Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»
Философский факультет
Магистерская программа «Философия в методологическом, познавательном и гуманитарном пространстве»
Кафедра истории философии

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

На тему «Дискуссии о диалектической логике в СССР»

Студентка Меньшикова Мария Александровна
Научный руководитель доцент, к. ф. н. Веретенников А. А.
Рецензент в. н. с., д. ф. н. Иванов Д. В.

Москва
2018

Оглавление

Введение. 3

Глава 1. Внешние условия и внутреннее содержание дискуссии. 12

§1. Значение текстов И. Сталина по языкознанию для дискуссии о формальной и диалектической логике. 12

§2. Обзор теоретических разногласий. 15

§3. В. Черкесов и С. Яновская как ключевые участники дискуссии. 22

Глава 2. Вехи дискуссии и политический контекст. 28

§1. Дискуссия в журнале «Вопросы философии» (1950-1951 гг.). 28

§2. Понятие «научно-технического прогресса» и формальная логика. 39

§3. Дискуссия на философском факультете МГУ (1954 г.). 43

Глава 3. Дискуссия о формальной и диалектической логике в образовательном пространстве. 566

§1. Рецепция математической логики в СССР. 56

§2. Э. Ильенков и М. Розенталь о воспроизводстве специалистов по диалектической логике. 611

§3. Диссертационные исследования по формальной и диалектической логике. 655

Заключение. 744

Приложение. Защищённые в СССР диссертации по диалектической логике и по формальной логике, 1950-1959 гг. (на материалах Российской государственной библиотеки и Архива МГУ). 76

Список литературы. 1033

Введение.

В истории советской философии диалектическая логика осталась проектом нескольких значимых фигур и, не будет преувеличением сказать, курьёзом, если говорить о философах, не оставивших заметного следа в философском пространстве. Со стороны специалистов по логике (в понимании логики как традиционной, символической, математической) ситуация институционального поражения диалектической логики выглядит закономерным итогом попыток ввести в легитимное поле философствования теорию, не отвечающую привычным канонам рациональности – выраженным, прежде всего, в законах классической логики. Диалектическая логика в этой перспективе выглядит заведомо провальной дисциплиной. Её историческое поражение, с этой точки зрения, объясняется исключительно её «ложностью».

Диалектическая логика, с точки зрения марксистской философии, может быть признана такой же легитимной частью марксизма, как, скажем, марксистская эстетика или этика. Советская философия предполагала диалектически-материалистический метод рассуждения, и разработка этого метода была одной из задач, стоявшей перед советскими философами. Специалисты, сделавшие ставку на разработку этого метода в рамках отдельной дисциплины, «диалектической логики», тем не менее, претерпели институциональное поражение. Их конкуренты в праве называть свою дисциплину «логикой», специалисты по «формальной» логике, оказались в более выигрышном положении, выразившемся в количестве специализировавшихся студентов и аспирантов, наличии кафедр в ведущих институциях и учебных курсов. Формальная логика, казалось бы, на стартовом этапе имевшая больше идеологических недостатков и меньше каких-либо преимуществ, вышла победительницей в споре двух логик.

Основная проблема и её актуальность. Имеющиеся в исследовательской литературе объяснения, почему в итоге представители

формальной логики одержали верх в дискуссии о соотношении формальной и диалектической логики, следует признать неудовлетворительными. На сегодняшний день не существует объяснения, которое было бы лишено недостатков методологии истории идей, а именно – приписывания идеям способности развиваться вне контекста социальных условий их производства.

Объект – дискуссия о соотношении формальной и диалектической логики в период с середины 1930-х гг. до середины 1960-х гг.

Предмет – концептуальные расхождения в указанной дискуссии между представителями двух противоборствующих сторон в их связи с социальными условиями их

Цель – предложить новое объяснение победы формальной логики над диалектической, которое будет дано с позиции, не симпатизирующей ни одной из сторон, и с опорой на методологию социологии философского знания, что обеспечит достаточный уровень непредвзятости и объективности исследования.

Задачи: проанализировать предысторию дискуссии (выявить роль текстов И. Сталина 1950 года по вопросам языкознания для развития дискуссии в аспекте границ применения классового подхода в логике); проанализировать теоретические разногласия сторон и приводимые ими аргументы; проанализировать роль С. Яновской и В. Черкесова в логическом образовании на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова; выявить значение аргумента о пользе формальной логики для «научно-технического прогресса»; проанализировать различия институциональных условий функционирования формальной логики и диалектической логики как философских дисциплин в исследовательском и образовательном пространстве; оценить роль рецепции современной символической логики (Б. Рассел, Р. Карнап и др.) советскими формальными логиками; сравнить профессиональные траектории философов, перешедших из формальной логики в диалектическую, и

наоборот; прояснить отношение диалектических логиков к проблеме воспроизводства специалистов по дисциплине; сравнить количество и тематику диссертационных исследований по формальной и по диалектической логике.

Гипотезы. В исследовании выдвигаются три гипотезы, почему диалектическая логика в итоге институционально оказалась вытесненной на периферию дисциплинарного поля, а формальная логика стала его несомненной частью. Первая гипотеза касается влияния дискуссии о языкознании на ход дискуссии по логике. Дискуссия о языкознании закончилась в 1950 году несколькими текстами Сталина, в котором он подверг критике точку зрения Н. Марра о классовом характере языка. В соответствии с этим недопустимой стала и ранее легитимная позиция о классовом характере логики. Эта позиция была выгодна для представителей диалектической логики, которые могли представлять свою дисциплину как «логику пролетариата», а формальную логику – как «логику буржуазии». После сталинских текстов, содержащих тезис об общечеловеческом характере языка, представители формальной логики широко использовали в качестве аргумента в защиту своей позиции тезис об общечеловеческом характере мышления. Гипотеза заключается в том, что замены для аргумента о классовом характере диалектические логики не смогли найти, а формальные логики в полной мере воспользовались аргументом об общечеловеческом характере логики[1].

Другая гипотеза состоит в следующем. Формальная логика оказалась приложима в сфере механизации производства. В 1960-е годы в части идеологической мотивации ключевым понятием стал «научно-технический прогресс», и результатом этого процесса должно было стать «построение материальной базы коммунизма». Ввиду принципиальной важности данной идеологической темы и того, что логический аппарат начал широко

[1] О том, как противопоставление классового общечеловеческому использовали специалисты по этике, см.: (Гусейнова, 2016).

применяться в технике, можно предположить, что государство было больше заинтересовано в развитии формальной логики как дисциплины и поэтому поддержало её институционально.

Наконец, третья гипотеза касается складывания обеих дисциплин как учебных курсов. Залогом институционального успеха формальной логики в философском пространстве могли стать учебные курсы по логике, ставшие обязательными для получающих высшее философское образование. В то же время представителям диалектической логики не удалось создать кафедру и включить собственный курс в число обязательных дисциплин. Согласно гипотезе, трансляция собственных идей во многом определила успех формальной логики, а отсутствие широкой возможности рекрутировать молодых специалистов в ряды диалектических логиков через образовательный канал стало одной из главных причин поражения диалектической логики как философской дисциплины.

Источниковая база. Основными источниками первичной литературы в исследовании являются журнальные статьи, устные выступления, имеющиеся в виде стенограмм, мемуары. Выбор статей и докладов оправдан несколькими причинами. Во-первых, необходимость обратиться в первую очередь к текстам малой формы обусловлен самим характером объекта исследования – дискуссии, которая строится на последовательном обмене устными или письменными полемическими высказываниями ограниченного объёма. Во-вторых, поскольку интерес представляет ход рассуждений участников дискуссии в известном политическом и социальном контексте, видится важным представлять степень самоцензуры автора. Если за максимум возможной внутренней цензуры взять монографию, использовавшуюся как учебник для студентов непрофильных специальностей, то минимумом самоцензуры будет именно устное выступление. Анализ устных выступлений возможен благодаря сохранившимся в архиве МГУ стенограммам дискуссии, которые были введены в научный оборот лишь частично.

Другим источником, который тоже нельзя назвать полноценно представленным в литературе, являются диссертации. Данный источник важен в двух аспектах: во-первых, само содержание работ даёт представление о состоянии исследований по логике в 1950-е годы; во-вторых, значительное количество работ по определённой дисциплине, за которые присуждалась научная степень, говорит о том простом факте, что на эту специальность выделялись места в аспирантуре, а значит – о внимании государства. Базой для анализа являются каталог диссертаций Российской государственной библиотеки и служебный каталог библиотеки Института философии РАН.

Источником субъективных оценок участников и свидетелей дискуссий являются мемуары и интервью, опубликованные в открытых источниках, и не опубликованные, но имеющиеся в распоряжении автора, в том числе, взятые автором самостоятельно. Поскольку мемуары диалектических логиков, если они и существуют, были недоступны автору, круг мемуарных источников ограничивается мемуарами, написанными формальными логиками. Для анализа рецепции зарубежных исследований в области математической логики были использованы русские переводы этих работ, а также сопроводительные тексты к советским изданиям, написанные советскими авторами.

Степень разработанности проблемы. В данном исследовании использована следующая литература по советской логике. Во-первых, это работы советологов Института восточноевропейских исследований Фрибургского университета, выходившие в серии «Sovietica» и в журнале “Studies in Soviet Thought”. Во-вторых, это работы отечественных исследователей: С. Корсакова, В. Бажанова, Б. Бирюкова, Д. Лахути, В. Левина.

Существующие по данной теме исследовательские работы полезны в части реконструкции аргументов представителей формальной логики, её хронологических рамок, а также общего представления о дискуссии. Что

касается приводимых объяснений и оценки дискуссий, то здесь исследовательские тексты советских и российских авторов почти не отличаются от мемуарных[2]. И если некая степень ангажированности автора в пользу одной из сторон неизбежна и допустима, то приводимую объяснительную схему нельзя считать удовлетворительной. Причина этому – её необоснованность: из того, что теория (в данном случае – формальная логика) является истинной, автоматически не следует, что она завоюет господствующее в научном поле положение исключительно благодаря своей истинности [19, с. 5-7]. Данная ошибка заключается в том, что идеям приписывается способность самореализации, а историческому развитию – телеология. Следует объяснить победу формальных логиков на дискуссии на других основаниях, исключая историческую предопределённость и восстанавливая в правах историческую случайность, прослеживая объективные изменения в структуре дисциплин. Из недостатков работ советологов следует отметить недоступность некоторых материалов советских авторов, на которую они указывали сами, и нехватку объяснений причин и следствий интеллектуальных событий, происходивших в рамках дискуссии.

Советологическая литература, тем не менее, оказывается полезной как исходный пункт исследования. Среди многочисленных работ Й. М. Бохеньского (J. M. Bochenski) следует выделить статью “Soviet Logic”, в которой он приводит перечень текстов, относящихся к дискуссии, и даёт остроумную классификацию советских логиков [2, с. 41]. Первый тип, по Бохеньскому, – это философы, которые не знают логики, но, тем не менее, говорят о ней: к нему Бохеньский отнёс Майстрова и Тугаринова. А. Александрова Бохеньский причислил ко второму типу логиков, которые

[2] Постоянно встречающийся троп, через который многие авторы пытаются объяснить сущность советской философии: догматические «верхи» vs творческие философские «низы» – не так далеки от того способа выражения, которому они стремятся себя противопоставить. Призыв к «творческому развитию» не сходил с уст виртуозов догмы. Но, что кажется более любопытным, – это гомология между методологическим разграничением «настоящей» «философии советского периода» и собственно «советской философией» и марксистской установкой «материалистической переработки» гегелевской философии – различием между «рациональным зерном» и «мистической шелухой», революционным методом и консервативной системой.

развивают философскую логику, ориентируются на интерпретацию гегелевских категорий в рамках марксистской диалектики и исходят из ограниченности применения формальной логики. Логики третьего типа, как утверждает Бохеньский, выражают аристотелевский тренд и придерживаются позиции, что принцип недопустимости противоречия можно применять к реальности. К последнему типу Бохеньский отнёс Бакрадзе и Кондакова.

К. Г. Баллестрем (K. G. Ballestrem) указал на важную черту диалектической логики: «Диалектическая логика в действительности не является логикой. Это общая интерпретация познания, приложение общей диалектики к эпистемологии» [1, с. 139]. Баллестрем указал на путаный характер диалектической логики как методологии познания [1, с. 151]. Также Баллестрем исследовал метафизические предпосылки диалектической логики и сложности в приложении диалектического монизма к проблеме соотношения материи и сознания [1, с. 14-146]. Он привёл следующую периодизацию дискуссии [1, с. 142-143]. Первый этап, который Баллестрем назвал предысторией, относится к 1950-1955 годам. Основы диалектической логики как специальной дисциплины, по мнению Баллестрема, были заложены на втором этапе – в 1955-1958 годах, а с 1958 года начинается этап собственно разработки диалектической логики, когда увеличивается объём исследовательской литературы по этой теме.

Й. Хенги (J. Hänggi) дал несколько иную периодизацию дискуссии о соотношении формальной и диалектической логики – с 1946 года по середину 1960-х годов [3, с. 142]. Первый период Хенги отсчитывает от постановления ЦК КПСС о введении логики и психологии в школьную программу в ноябре 1946 года до конца 1951 года. Второй этап, по Хенги, начинается после небольшого перерыва в обсуждениях в 1955-1956 годах со спора Бакрадзе и Кондакова и длится по апрель 1958 года, когда в Институте философии АН СССР проводится дискуссия по теме диалектического противоречия. Начало последнего, выделенного Хенги,

этапа – это статья М. Алексеева «О предмете и характере науки логики», опубликованной в 1964 году в журнале «Философские науки».

Работа С. Корсакова, посвящённая возвращению формальной логики в легитимное пространство советской философии после «нигилистического» к ней отношения в 1930-е годы, даёт исчерпывающее представление, каковы были причины этого явления, как происходила подготовка учебников по логике, как была организована кафедра логики на философском факультете МГУ в 1943 году и впоследствии в других интеллектуальных центрах, какую роль в этом процессе сыграло сотрудничество с коллегами из-за рубежа [46, с. 145-169; 47, с. 145-170]. Это исследование, основанное на архивных материалах, хронологически относится к периоду, важному для понимания истоков последовавшей дискуссии о соотношении формальной и диалектической логики: о концептуальных разногласиях сторон и институциональных условиях обеих дисциплин. Текст Д. Лахути описывает процесс возрождения логики с личностным акцентом, тем не менее, полезна не только как источник материала фактического характера, но и приводимых оценок учебников по логике, издаваемых в 1940-е годы, в сравнении с логикой, разрабатываемой представителями Венского кружка [50, с. 166].

Б. Бирюков посвятил разбору дискуссии с позиции формальных логиков, пожалуй, больше всех из российских и советских авторов. Среди его статей следует отметить обзорный текст в сборнике «Логика и В. Е. К.», в которой он отметил особую роль С. Яновской для развития сотрудничества между логиками-философами и логиками-математиками [54, с. 100]. Подробную биографическую справку и оценку научного вклада Яновской даёт В. Левин. Оценка автора не лишена недостатков: приписывание Яновской усвоение «библейских ценностей», которые еврейка по происхождению и будущая революционерка якобы пронесла через всю жизнь, видится необоснованным [51, с. 72-73].

Ценным источником по истории противостояния формальной и диалектической логики является серия Бирюкова «Трудные времена философии». Бирюков описывает, каким образом происходило становление логического образования в школе и университете, какую роль в этом процессе играли С. Яновская, П. Попов, В. Асмус и другие, как философская дискуссия 1947 года о книге Г. Александрова повлияла на дискуссию о формальной и диалектической логике. Особенно ценными являются документы Яновской, её заметки и конспекты, которые сохранились в личном архиве Бирюкова и которые он цитирует в книге о ней. Вместе с тем нельзя не отметить существенный недостаток всех работ Бирюкова по истории логики: это нескрываемая неприязнь к коммунистическим убеждениям, следствием чего является предвзятость автора и необоснованные выводы. Так, Бирюков пытается приписать Яновской разочарование в революционных идеалах, но эти утверждения на деле остаются лишь личным его мнением. Впрочем, ещё более предвзята оценка В. Бажанова в его книге «История логики в России и СССР». Отдавая приоритет одному направлению отечественной мысли, а именно религиозному (называя создание новых научных учреждений в 1920-е и высылку 1922 года «философицидом» [12, с. 97]), автор не замечает важных различий внутри советской философии и оставляет свой анализ недопустимо поверхностным.

Глава 1. Внешние условия и внутреннее содержание дискуссии.

В данной главе речь идёт о том, как тексты И. Сталина о применении марксистской теории в языкознании повлияли на изменения в аргументации в дискуссии о соотношении формальной и диалектической логики; выявлены теоретические разногласия между сторонами формальной и диалектической логики; проанализирована роль философа В. Черкесова и математика С. Яновской как ключевых участников дискуссии.

§1. Значение текстов И. Сталина по языкознанию для дискуссии о формальной и диалектической логике.

На ход философской дискуссии оказало влияние событие, не имеющее прямого отношения к философии: это окончание дискуссии по вопросам языкознания, когда в 1950 году Сталин «отлучил» от марксизма языковеда Н. Марра в своём тексте «Относительно марксизма в языкознании». Теория Марра была крайне популярна и имела многих последователей. Показательным источником, дающим представление об оценке Марра до «разоблачительной» сталинской статьи, будет тексты о прошедших конференциях, приуроченных к юбилею Марра. К. Мегрелидзе в докладе на вечере памяти Марра в Академии наук СССР назвал его «великим мыслителем» [57, с. 35]. После краткого пересказа основных идей Марра в языкознании Мегрелидзе солидаризируется с историком академиком М. Покровским в высокой оценке научного вклада юбиляра: «теория Н. Я. Марра прочно вошла в железный инвентарь марксистской науки» [57, с. 52]. Подобная оценка была широко распространённой и, скорее, общепринятой, хотя взгляды Марра подвергались критике со стороны некоторых языковедов.

Если бросить взгляд на дальнейшее развития отношения к Марру, то интерес к этой фигуре пропадает. Так, в «Философской энциклопедии» 1960-1970 годов нет отдельных статей о Марре. Теория Марра упоминается

в статье «Язык» со относительно сдержанной критикой – указанием на допущенные им «вульгарно-социологич[еские] ошибки», хотя автор и опирался на историко-материалистический подход [27, с. 610]. В умеренно критичной статье «новом учении о языке», разработанном Марром, была подчёркнута «ценность новаторских идей», которые были забыты из-за односторонней оценки Марра на «лингвистической дискуссии» 1950 года [41, с. 86-87]: имелись в виду именно тексты Сталина, поскольку до их опубликования высказывались разные оценки учения Марра.

Основные тезисы статьи И. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» взвешанны и не вызывают споров. По сравнению с «Кратким курсом истории ВКП (б)» роль статьи о языкознании для гуманитарных наук следует оценивать, скорее, положительно. Статья была написана Сталиным летом 1950 года и вышла сразу в нескольких периодических изданиях, в том числе в газете «Правда» от 4 июля, журналах «Большевик» и «Вопросы философии». Чуть позже были опубликованы ответы Сталина на вопросы к статье. Работа «Относительно марксизма в языкознании» стала завершением дискуссии о языкознании, начатой в мае 1950 года. Тезис, к которому обращаются впоследствии философы в дискуссии о формальной и диалектической логике, – это тезис внеклассовом характере языка. Сталин отрицает тезис Марра о том, что язык носит классовый характер и говорит, что язык не является ни частью базиса, ни частью надстройки [76, с. 36]. Язык не меняется так же быстро при изменении базиса, как правовые, политические, религиозные и другие взгляды и соответствующие им учреждения, пишет Сталин. Исторически и функционально язык, по мнению Сталина, носит внеклассовый характер: он «создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества» [76, с. 7]. Надо сказать, неклассовый характер языка – не личное открытие Сталина, а, скорее, подведение итогов наметившейся в 1940-е годы тенденции среди некоторых

советских лингвистов[3]. Сталин, кроме того, пишет, что Марр отрывает мышление от языка и «попадает в болото идеализма» [76, с. 39].

Именно эти два пункта воспроизводились в философской дискуссии. Забегая вперёд, отметим, что диалектическим логикам их оппоненты вменяли в вину своего рода «криптомарризм» в логике – убеждённость в её классовом характере, настаивать на котором после опубликования текстов Сталина о языкознании было невозможно. В свою очередь диалектические логики обвиняли формальных логиков в том, что те отрывают форму от содержания мышления, что аналогично обвинениям Сталина в отрыве мышления от языка у Марра, что позволяет и Сталину, и диалектическим логикам обвинить своих оппонентов в идеализме.

Поворот к неклассовому пониманию мышления видится, несомненно, резким, если обратиться к позиции Министерства образования до осуждения «марризма» в 1948 году, что логика – это классовая наука [23, с. 344]. С одной стороны, статья появилась в условиях, когда формальная логика стала легитимной областью исследований, а радикальное применение классового принципа перестало быть допустимым. С другой стороны, начавшаяся в конце 1920-х годов нормализация революционного порядка не могла не коснуться и области теории. Пролеткульт, движение за преодоление быта – явления, гомологичные радикальному классовому подходу в теории и идеологии. Одним из наиболее важных моментов нормализации для нашего исследования является декларация окончания классовой борьбы в СССР, объявленная Сталиным после принятия конституции 1936 года. Впрочем, если классы были объявлены уничтоженными в Советском Союзе, то на международной сцене классовая борьба должна была разгораться с новой силой, чему были посвящены как газетные публикации, так и статьи в жанре критики современной буржуазной / реакционной философии в «Вопросах философии» и других философских журналах. Для целей описания дискуссии важно, что

[3] Подробнее см.: [10, с. 174].

апеллирование к классовому характеру мышления и логики перестало быть возможным для обоснования необходимости диалектической логики как дисциплины.

§2. Обзор теоретических разногласий.

Следует оговориться, что сам термин «логика», из сегодняшней перспективы, смотрится неуклюже в сочетании с термином «диалектическая» по такой причине: под логикой в советской философии в рамках соответствия общепринятой установке, кроме привычного в настоящее время смысла, понималась ещё и теория познания. Нечёткость в употреблении понятий, если не сказать путаница, связана с широким использованием ленинской формулы из «Философских тетрадей» о тождестве диалектики, логики и теории познания: «не надо 3-х слов – это одно и то же» [52, с. 301].

Сам термин «диалектическая логика» классики марксизма почти не употребляли. Среди текстов Сталина употребления термина не встречается. «Диалектическая логика» встречается у Энгельса в «Диалектике природы» и работе Ленина «Ещё раз о профсоюзах». Этот факт не запрещал диалектическим логикам апеллировать и к «Философским тетрадям», в которых, хотя и не употребляется термин «диалектическая логика», зато сама проблематика затрагивается, пожалуй, в наиболее полном виде среди сочинений Ленина. Именно из его конспектов Гегеля, где порой очень сложно провести границу между ленинской и гегелевской позицией, диалектические логики имели возможность брать аргументы для защиты своей исследовательской области. С самой публикацией «Философских тетрадей» диалектические логики связывали возрастание интереса к данной проблематике. Обоснование необходимости диалектико-логических исследований не отменяло обращения к партийному характеру диалектической логики: «марксистская диалектическая логика есть всеобщая, высшая логика, соответствующая… богатейшему опыту международного революционного движения» [69, с. 27].

В тексте «Ещё раз о профсоюзах…» Ленин высказывает свою позицию, употребляя термин «диалектическая логика». Он говорит о требованиях к познанию, с точки зрения диалектической логики: это всесторонность рассмотрения предмета в его развитии, признание практики в качестве критерия истины, требование конкретности истины [53, с. 289-290]. Примечательно, что единственный текст, где Ленин эксплицитно говорит о диалектической логике как об исследовательском проекте, – это текст по поводу партийной дискуссии о профсоюзах, в которой, помимо Ленина, приняли участие другие партийные лидеры Л. Троцкий и Н. Бухарин. Завершением дискуссии стало принятие резолюции «О единстве партии» (о запрете фракций внутри партии) на десятом съезде РКП (б) в 1921 году. Не будет преувеличением сказать, что в советской традиции диалектическая логика генетически напрямую связана с партийным строительством.

Ситуация в отношении текстов Энгельса менее прозрачная, чем в случае Ленина, если говорить об употреблении термина «диалектическая логика». В «Диалектике природы» значительное внимание уделено критике формальной логики, однако собственно разработка проблематики диалектической логики встречается только в черновых заметках и носит фрагментарный характер. Эти заметки не публиковались при жизни Энгельса. В озаглавленной Энгельсом заметке «Диалектическая логика и теория познания. О „границах познания“», которая является разделом заметки «Диалектика», Энгельс пишет об отличиях диалектической логики от формальной: диалектическая логика «выводит эти формы (движения мышления. – *М. М.*) одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих» [55, с. 538]. Энгельс следует гегелевской традиции критики формальной логики и в этом смысле легитимирует диалектическую логику для советской философии именно в качестве философской дисциплины, а не только методологии партийного строительства. В этом смысле пересказы идей Гегеля в «Диалектике природы» и «Философских тетрадях»

использовались одним и тем же образом: гегелевские идеи приписывались Энгельсу и Ленину, а установить, насколько полно авторы присоединялись к мысли Гегеля, не представляется возможным ввиду характера рабочих заметок не для публикации.

Советские философы использовали термин «диалектическая логика» в полемическом ключе. В идейном плане ставка сторонников диалектической логики состояла в следующем. Диалектическая логика отмежёвывалась от диалектического материализма как высокая теория. Важным видится акцент именно на данном термине, а не на синонимичном ему термине «диалектика», который является общеупотребимым среди советских философов, в то время как употребление термина «диалектическая логика» почти всегда маркирует именно представителей определённой философской позиции. Впрочем, отсутствие данного отличительного признака не говорит о том, что какую-либо работу нельзя отнести к поддисциплине диалектической логики.

Противоположностью диалектики в советской марксистской традиции является метафизика, что наследует Гегелю. Метафизичность, отсутствие развития как предмета научного рассмотрения и односторонность – претензия диалектических логиков, с которой приходилось считаться представителям логики формальной. Здесь формальным логикам было сложно что-то противопоставить именно в рамках диалектико-материалистической парадигмы: им приходилось оправдываться за соблюдения принципа тождества в рассуждении, а диалектические логики на этом основании и со ссылкой на Энгельса называли формальную логику «элементарной», опираясь на «Анти-Дюринга» Энгельса [55, с. 138]. Вслед за ним советские диалектические логики называли формальную логику пригодной только для «домашнего обихода» [55, с. 520, 530]. Ленин считал формальную логику пригодной только для начальных классов школы. При этом Ленин под формальной логикой имел в виду силлогистику. С более современными логическими теориями Ленин, по-видимому, не был знаком.

Сам термин «логика» у Ленина употребляется и в значении силлогистики, и в значении диалектической теории познания в гегелевской и марксистской философии. Логика и теория познания были для Ленина синонимами: в этом смысле Ленин понимал логику традиционно для XIX века.

Кроме того, из обвинения в метафизичности в полном соответствии с принципом партийности следовало обвинение в буржуазности. Ещё одно полемическое преимущество диалектических логиков перед формальными – это приписывание формальным логикам идеалистической позиции. Говоря словами Ленина, «умный» идеализм после Маркса невозможен, по диалектико-материалистической установке, а советские философы не могли не придерживаться материалистической позиции. Идеализм советских формальных логиков, согласно этому обвинению, состоял в отрыве формы от содержания, а именно – различении истинности и формальной правильности. Этого различения не признавали диалектические логики, ведь отрыв формы от содержания – удел идеалистов. Надо ли говорить, что формальная логика в Советском Союзе не могла обойтись без рецепции Фреге, Рассела, Тарского, Карнапа. Буржуазные философы из лагеря «позитивистов» – самые отъявленные враги марксизма, согласно «Материализму и эмпириокритицизму» Ленина. И, в отличие от гегелевской философии, Ленин, конечно, отнюдь не завещал материалистически перерабатывать философию подобной логическому эмпиризму – «Материализм и эмпириокритицизм» в советской философии стал образцом критики буржуазной философии, особенно позитивизма в разных изводах.

Метафизичность формальной логики, с точки зрения сторонников диалектической логики, заключалась ещё в том, что формальная логика не ухватывала объективный мир в его развитии, а фиксировала в застывших формах. Онтологической предпосылкой диалектической логики считалось то, что явлениям и предметам объективного мира присущее постоянное движение и развитии. Диалектические логики протестовали против

абсолютизации принципов формальной логики, поскольку это противоречит тому, как следует познавать мир, согласно этой онтологической предпосылке. Другой онтологической предпосылкой, согласно диалектической логике, состояла в том, что развивающимся явлениям и предметам в объективном мире присущи противоречия, а само развитие осуществляется через противоречия. Запрет противоречия – один из принципов классической логики – имеет ограниченное действие, по мысли диалектических логиков. Поскольку формальная логика не может осмыслить противоречивость объективного мира, её сфера применимости не всеобща. Так, в том числе на этом основании диалектические логики могли говорить о том, что формальная логика является «элементарной», «низшей», а диалектическая – универсальной и «высшей». Все эти выпады в конце концов достигали апофеоза в тезисе, что формальная логика в силу названных причин не может адекватно изучать мышление человека, и это удел только диалектической логики.

Эти обвинения в сторону формальной логики достигли своей вершины в 1930-е годы, которые в мемуарной литературе принято описывать как время «нигилизма» по отношению к формальной логике. В монографии под редакцией Митина, которая использовалась в вузах и партшколах [46, с. 146], формальная логика оказывается несовместимой с диалектикой, и изучение формальной логики оправдывается только необходимостью знать «оружие нашего классового врага» [26, с. 37]. Авторы учебника были последовательны в убеждении, что «в классовом обществе существует лишь классовая наука» [26, с. 224].

Другой показательной иллюстрацией «нигилизма» по отношению к формальной логике послужит статья К. Милонова из журнала «Под знаменем марксизма», где публиковались и философские тексты. В качестве синонима «диалектической логики» он использует «диалектико-материалистическую логику». Кроме ожидаемых выпадов в адрес «механистов», «меньшевиствующих идеалистов» и других классовых

врагов, недавних соперников Сталина во внутрипартийной борьбе, текст содержит несколько других примет времени, таких трактовок, изменение которых в будущем нельзя привязать к очевидным событиям в политической истории, каким был, например, XX съезд КПСС для становления этики как философской дисциплины. Приведённая в статье критика «буржуазной» философии у Милонова сама по себе не оригинальна, однако важно обратить на примету времени – отрицание математической логики, которую Милонов критикует за оторванность от «объективного мира» и буржуазность: «у Рэсселя, - маразм и разложение, безысходный агностицизм, характерный для значительных слоев буржуазной интеллигенции эпохи загнивания капитализма» [58, с. 53]. Милонов допускает и другое утверждение, которое тоже уже в следующем десятилетии выйдет за рамки легитимных: «Совершенно бесспорно: формальная логика как теория познания *исключается* единственно правильной, научно и революционной теорией познания – материалистической диалектикой» [58, с. 59-60]. Тем самым он выдвигает тезис о несовместимости формальной логики и диалектики. Проблематизация совместимости, поиск основ, на которых она могла бы быть установлена, как в формальной логике применяется диалектико-материалистическая методология – предмет дискуссий в 1950-е годы. Милонов протестует против самой постановки вопроса и указывает на эклектичный, по его мнению, тезис В. Асмуса о том, что формальная логика – частный случай диалектики [58, с. 54]. Далее он поясняет, что можно говорить лишь о мышлении согласно формальнологическим законам как о частном случае диалектического мышления [58, с. 55].

После указанных обвинений, казалось бы, сложно даже представить, как формальная логика могла легитимизировать себя в существовавшем порядке. Аргументы диалектических логиков строились на здравом смысле советской философии и не требовали виртуозности в обращении с догмой. Однако логическое и историческое порой совпадают самым причудливым

образом. И если формальные логики противопоставили всем претензиям техническую компетентность и использование понятия общечеловеческого, мы, тем не менее, не должны сходить к простому объяснению, согласно которому победа в противостоянии была обеспечена тем фактом, что работы формальных логиков были в профессиональном смысле *лучше*. Объяснение, исходящее из гипотезы о советской философии как государственной науке, будет строиться не в последнюю очередь на описании институциональных условий, в которых существовали обе дисциплины.

Это предполагает, что философия играла не последнюю роль в «научном управлении обществом». Исходя из гипотезы А. Бикбова о философии как государственной науке (Бикбов, 2015), философия как раз должна была отвечать на вопрос об управлении, даже если он был задан в неявном виде. Данная гипотеза опирается на позднюю аналитику управления Мишеля Фуко и заключается в следующем. Советскую философию нельзя рассматривать как привычную университетскую дисциплину без риска неверно понять характер присутствующих в советской философии парадоксов или вовсе их упустить из поля исследовательского внимания. Привычные штампы о практической роли философии не являются только лишь оборотами речи. Они свидетельствуют о той роли, которую государство отводило философии, начиная со статьи Владимира Ленина в журнал «Под знаменем марксизма», посвящённой тому, какой должна быть советская философия, – «О значении воинствующего материализма». Объектом государственного интереса в начале советского проекта, как показывает Бикбов, был пролетариат как класс, которому нужно было придать правильные характеристики: классовое мышление и поведение – чтобы затем им управлять. Заметим, что пролетариат в данном случае представляет собой класс, который не был данностью – его ещё нужно было создать. Ключевой момент описываемой гипотезы заключается в том, что именно философии государство поручило

создать такую методологию, которая позволила бы воспитать в пролетариате необходимое классовое сознание. В передовых статьях журналов, в первую очередь, «Вопросов философии», мотив управления звучал наиболее явном виде. В отношении 1950-х годов в отличие от 1920-х следует говорить не о пролетариате, а более нормализованном «населении». Однако в силе остался вопрос об управлении, о построении правильной теории, обеспечивающей в пределе построение коммунизма. Подвергшийся философской сублимации вопрос об управлении населением возникал в контексте соотношения теории и практики, роли практики в познании, практики как критерия истины. На последний вопрос ответ должна была дать в том числе логика.

Предварительный разбор точек расхождения формальной и диалектической логики в теоретическом, собственно философском плане показывает, что смысл дискуссии не сводится к политическому, политизированному или идеологическому. То, что адресатом полемики был партийный руководитель, в чьей власти было решать, какая дисциплина полезнее для государства, верно лишь отчасти. Дискуссия велась не только на языке обвинений в неблагонадёжности с точки зрения классового принципа, но и на техническом языке профессиональных философов.

§3. В. Черкесов и С. Яновская как ключевые участники дискуссии.

Прежде чем обратиться к поэтапному анализу дискуссии, отметим один момент, важный для понимания причудливой расстановки сил, которая существовала на тот момент. Если бы оба противостоящих в дискуссии «лагеря» можно было разграничить по дисциплинарному признаку, который не был самоназванием[4], то история дискуссии не представляла бы значительного интереса. Однако линия противостояния изгибается в неожиданных местах: это профессиональные отношения и позиции

[4] Здесь имеется в виду то, что обе стороны, которые мы называем формальными и диалектическими логиками, в дискуссии называли себя диалектическими логиками: со стороны формальных логиков это был тактических ход, признание диалектической методологии ради опровержения обвинений в метафизичности и заверения в переработке «буржуазной» формальной логики на советский лад. Впрочем, этот тактический ход носил декларативный характер.

ключевых фигур обеих сторон – Виталия Черкесова и Софьи Яновской. Б. Бирюков пишет, что Черкесов причислял Яновскую к своим сторонницам [16, с. 100]. Более того, именно Черкесов пригласил Яновскую на философский факультет МГУ, чтобы читать лекции по математической логике: «Нет сомнения, что если бы Черкесов не сменил профессора П. С. Попова в должности заведующего кафедрой (логики. – *М. М.*), С. А. бы не поставила на факультете свой замечательный лекционный курс, продолжавшийся несколько лет» [16, с. 150-151]. Яновская читала курсы на философском факультете с 1955 по 1957 год. Для преподавателей и аспирантов она прочла курсы по алгебре логики и исчислению высказываний в натуральном и аксиоматическом построении, исчислению высказываний как теории структур, исчислению строгой импликации Аккермана и силлогистике [16, с. 184]. Ни один из курсов не был прочитан повторно. Чтение курсов напрямую зависело от сотрудничества Яновской и Черкесова: с его уходом с поста заведующего чтение курсов по математической логике на философском факультете прекратилось.

Фигура Яновской интересна её положительным отношением к марксистской философии и идеологии. В 1930-е годы классовый принцип в науке, соответствующий борьбе с классовыми врагами, толковался наиболее прямолинейно. Проводником такой трактовки в математической науке была именно Софья Яновская, выпускница Одесской женской гимназии и Института красной профессуры[5], участница гражданской войны. Наиболее показательной статьёй этого периода является текст «Очередные задачи математиков-марксистов» 1930 года. Это не исследовательская работа, а оценка состояния дел на «математическом фронте», призыв к пролетаризации математики, использованию диалектико-материалистической методологии, критика аполитичности математиков и их оторванности от практики. В адрес Фреге, Рассела,

[5] В 1935 году наряду с другими коллегами по Институту получила докторскую степень без защиты диссертации после того, как учёные степени и научные звания были возвращены в советскую науку.

Кантора Яновская бросает обвинения в механицизме, идеализме, мистицизме, платонизме [86, с. 91]. Естественно, ни одна из названных позиций не была легитимной в оценке советской диалектико-материалистической философии.

Каждый раз при прочтении подобного текста возникает неразрешимая трудность: насколько искренне были написаны те или иные пассажи? Традиция самоописания советской философии, начиная с 1950-х годов, предписывает читать между строк и считать, что авторы «держали фигу в кармане», что означает: в тексте можно провести границу между «идеологией», которая является чем-то наносным и объясняется исключительно цензурой и самоцензурой, и собственно философским содержанием. Эта проблема не разрешима в инструментальном отношении. Невозможно сделать однозначный вывод, опираясь исключительно на данный текст – это можно сделать с большей вероятностью успеха, если учитывать биографию автора текста и обстоятельства его написания.

Среди несомненного вклада в философию математики со стороны Яновской – изданием «Математических рукописей» Маркса, которые не вошли в полное собрание сочинений. «Рукописи» вышли уже после смерти Яновской. В 1930-е годы Яновская сотрудничала с философом и логиком Э. Кольманом, с которым она написала в соавторстве статью «Гегель и математика», где положительно оценена роль гегелевской философии для развития математики [44, с. 1-4]. Яновская считала метод восхождения от абстрактного к конкретному крайне продуктивным [85, с. 32]. Авторство некоторых пассажей можно было бы приписать Ильенкову или другим диалектическим логикам.

Об искренности текстов 1930-х годов говорит революционная биография Яновской[6]: из-за участия в политических событиях, гражданской войне

[6] Общеизвестным в логических кругах был анекдот о том, что Яновская настаивала на расстреле красноармейца-дезертира. В таком варианте рассказ приводит Б. Бирюков [16, с. 29]. Более радикальная версия рассказа, которую автору сообщил С. Мареев в интервью 11 декабря 2017 г.: Яновская лично участвовала в расстреле. Не имея возможности установить истинную картину событий, важно заметить, что этот рассказ – один из устойчивых штрихов к образу Яновской.

Яновской пришлось прервать своё математическое образование, которое она продолжила в 1924 году на естественном отделении Института красной профессуры. Яновская расходилась в своих политических убеждениях и действиях с кругом известных математиков, где были приверженцы имяславия – течения внутри православного христианства (Дмитрий Егоров, Лузин). Среди имяславцев – представителей философской профессии – наряду с Лосевым был уже упомянутый Павел Попов [17, с. 159]. Он был предшественником Черкесова на посту заведующего кафедрой логики философского факультета МГУ и выступал в дискуссии на стороне формальной логики. Концептуальный и политический водораздел не совпадал именно на фигуре Яновской: политически она была близка кругу Черкесова, а концептуально она принадлежала к математикам, разрабатывавшим математическую логику. Свою специализацию Яновская избрала в то же время, когда происходила травля «буржуазных» математиков. В 1930 году она обвинила Лузина в идеализме [61, с. 234], а во время так называемого «дела академика Лузина» в 1936 году Яновская говорила о «вредительской деятельности» и «двурушничестве» Лузина, о «враге», с которого сорвана «советская маска» [70, с. 123].

В ходе дискуссии о соотношении формальной и диалектической логики Яновская занимала оборонительную позицию: она доказывала необходимость математической логики, переводов сочинений Тарского, Гильберта и Аккермана и других и не критиковала проект диалектической логики, который ассоциировался в первую очередь с Черкесовым, пригласившим её преподавать на философский факультет. Яновская не критиковала и М. Алексеева, который удостоился, пожалуй, больше всего критических выпадов против своих взглядов и теоретических построений.

Вызывает затруднения анализ философской позиции Черкесова, в особенности её эволюции, тот факт, что Черкесов в 1950-е годы – крайне непродуктивный автор. После дискуссии 1950-1951 годов в «Вопросах философии» вышла всего одна его статья в это время – «Некоторые

вопросы теории понятия в диалектической логике» (№ 2 за 1956 год). В «Вестнике Московского университета» в это время он не публиковался, в отличие от своего коллеги и единомышленника М. Алексеева. Что касается 1930-1940-х годов, то мы не располагаем никакими текстами, кроме короткой рецензии и кандидатской диссертации на тему «Реакционная идеология правых социалистов в современной Германии» (1949 г.) Тем не менее, на период второй половины 1940-х годов приходится взлёт его философской карьеры: начало работы в МГУ (1948 г.) после окончания аспирантуры в Институте философии АН СССР. Черкесов вместе с Бакрадзе открывает дискуссию в 1950 году уже в статусе заведующего кафедрой логики, кем он оставался до 1957 года.

Его позицию по поводу диалектической логики как высшей части диалектического материализма можно объяснить биографическими обстоятельствами: резкое карьерное восхождение после окончания аспирантуры предрасположило Черкесова к высоким притязаниям в области теории. Их необходимо прочитывать не только в плоскости идейного содержания, но и в структурном отношении, через противостояние кафедры диалектического материализма и кафедры логики. Стремление к упорядочиванию и иерархизации знания биографически объясняется через отсылку к его педагогическому образованию.

Черкесову нужно было ответить на вызов, который возник после разрыва советского марксизма с марристской концепцией. Если мышление, подчиняющееся законами логики, перестало быть классовым и было безоговорочно признано общечеловеческим после опубликования статьи Сталина, то Черкесов, разумеется, уже не мог апеллировать к классовому характеру логики, что было легитимным ходом десятилетием ранее. Более того, диалектические логики были вынуждены обороняться от выпадов, связанных с «нигилистским» прошлым, о котором было упомянуто в редакционном замечании, предваряющем дискуссию на страницах «Вопросов философии». По сути Черкесов отрицал существование

«нигилизма» по отношению к формальной логике. Про это время он пишет следующим образом: «авторы не думали отрицать формальную логику вообще. Они только неудачно выражали ту правильную мысль, что формальная логика, претендующая на роль единственно возможной логики, может стать орудием заблуждения и использования классовыми врагами против марксизма-ленинизма» [69, с. 27].

Несмотря на эту сложность, концептуальные притязания Черкесова были высоки. Вместе с единомышленниками и коллегами Алексеевым и Мальцевым он сделал самую большую ставку из возможных: занять место высокой теории, которое принадлежит диалектическому материализму. Эта ставка была заведомо проигрышной, поскольку не вписывалась в правила игры в легитимном философском поле, где немногочисленные масштабные изменения в философском каноне выносились на высшем партийном уровне. Немногочисленные исторические примеры таких изменений – включение Сталина в список классиков марксизма-ленинизма в начале 1930-х и последующее исключение в 1953-1954 годах, идейная реабилитация Плеханова во второй половине 1950-х. Если говорить о времени становления советской философии, то в начале 1920-х классиками марксизма, подготовка и упорядочение сочинений которых должны были стать предметом работы Института Маркса и Энгельса, считались Р. Люксембург, К. Каутский, П. Лафарг, Ф. Меринг и Г. Плеханов [60, с. 34], чей авторитет как «классика» был подорван в сталинское время. Впоследствии этот список сократился лишь до К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина.

Глава 2. Вехи дискуссии и политический контекст.

Глава посвящена раундам дискуссии в 1950-е годы на страницах журнала «Вопросы философии» и на философском факультете МГУ. Рассматривается роль понятия «научно-технический прогресс» в дискуссии.

§1. Дискуссия в журнале «Вопросы философии» (1950-1951 гг.).

После выхода статьи Сталина о языкознании редакция журнала «Вопросы философии» во втором номере журнала за 1950-ый год начала дискуссию о формальной и диалектической логике следующим замечанием: «В нашей философской литературе долгое время был распространён ложный, вульгаризаторский подход к формальной логике. Вздорная позиция “философских рапповцев”, выбрасывающих логику на том основании, что она якобы является буржуазной, наносила серьёзный ущерб делу воспитания советских людей» [63, с. 198]. Этот фрагмент примечателен дважды: во-первых, здесь в явном виде критикуется злоупотребление классовым принципом «философскими рапповцами»; во-вторых, напрямую указано значение логики и философии как государственной науки. В этом фрагменте нет теоретического обоснования не-буржуазности формальной логики. Имплицитно имеется в виду то, что законы мышления не отличаются у антагонистических классов и являются общечеловеческими, а значит изучать их должна логика, опирающаяся на понятие общечеловеческого, а не на классовый принцип.

Дискуссию открыли две статьи представителей обеих дискутирующих сторон. Первая статья принадлежит К. Бакрадзе, на тот момент – заведующему кафедрой логики в Тбилисском университете, одном из больших интеллектуальных центров СССР. Автор второй полемической статьи В. Черкесов в то время работал доцентом кафедры логики философского факультета МГУ.

Для Бакрадзе важно, что «нигилизм» по отношению к логике, как он указывает, закончился в 1940 году [13, с. 198]. Со ссылкой на «Краткий курс истории ВКП (б)» диалектическую логику Бакрадзе отождествляет с диалектическим материализмом, мировоззрением марксистско-ленинской партии, тем самым сводя на нет стремление диалектических логиков отмежеваться от диалектического материализма, которое те декларировали [13, с. 201]. Далее Бакрадзе говорит, что у логики и диалектики – разные предметы [13, с. 205]. Примечательно, что он не употребляет здесь термины «диалектическая логика» и «формальная логика». После завершения дискуссии в языкознании серией текстов Сталина Бакрадзе, как все формальные логики, получили возможность апеллировать к общечеловеческому характеру мышления в противовес его классовому пониманию, которое ассоциировалось с временем «нигилизма» 1930-х годов и диалектической логикой. С этих позиций Бакрадзе открыто критикует министерскую программу преподавания логики: «Странное впечатление оставляет известный пункт в программе по логике, утверждённой Министерством высшего образования СССР в 1949 году, в котором говорится, что логика – наука, изучающая формы мышления *советских людей*» [13, с. 202]. Разумеется, Бакрадзе должен был ответить на обвинения в метафизичности в адрес формальной логики. Он поступает здесь аналогичным образом, как и в случае с обвинением в «классовой чуждости»: сама логика не может носить буржуазный или пролетарский характер – это относится только к интерпретации, к теории логики; так, сама логика не носит метафизического характера, но некоторые философы интерпретируют её метафизическим образом [13, с. 206, 208].

В своей статье Черкесов начинает с общепринятых вещей: «Общечеловеческий характер правил и законов формальной логики является совершенно очевидным… Они не называли формальную логику ни буржуазной, ни пролетарской. Логическое правило, запрещающее противоречить самому себе, одинаково обязательно для всех людей,

независимо от их классового положения…» [83, с. 210]. Это обращает на себя внимание, поскольку именно его в 1954 году на очередном витке дискуссии будут обвинять в непозволительной трактовке классового принципа – утверждении классового характера логики, о чём пойдёт речь ниже. «Классовость» мышления была слабым местом в позициях диалектических логиков, поэтому свой текст Черкесов начал именно с него. Для Черкесова важно было отмежеваться от «нигилизма»: «…только „троглодиты“ могут объявлять её (формальную логику. – *М. М.*) на этом основании классово враждебной нам, ненужной и даже вредной» [83, с. 210].

Вместе с тем Черкесов предложил критику общечеловеческого как внеисторического понятия. Он, как и Ильенков, считает его слишком общим: призма общечеловеческого скрывает исторически обусловленные различия, которые существуют между мышлением философов разных эпох. «Мышление Аристотеля и Маркса, конечно, является единым человеческим мышлением. Но за этим единством нельзя не видеть различия в степени зрелости того же единого человеческого мышления,» [83, с. 220] – утверждает автор. Общечеловеческое, по Черкесову, является слишком общим понятием и не ухватывает важных различий, которые следует рассматривать в плоскости истории. В целом, критика Черкесова представлена в сдержанной и сжатой форме и, если и отсылает к классовому принципу, то опосредованно, без прямого указания. Через обращение к истории Черкесов обосновывает собственную позицию, что диалектическая логика является высшей ступенью развития науки о мышлении [83, с. 220].

Вместе с тем Черкесов критикует министерскую программу по логике. Но, в отличие от Бакрадзе, он останавливается на другом пункте, – на «метафизичности» формальной логики. Если, как пишет Черкесов, в программе «старая» формальная логика объявляется единственно научной, пролетарски партийной логикой и частью марксизма, то это является

«странным механическим смешением формальной логики и марксистской диалектики» [83, с. 212]. Черкесову важно показать, что критические выпады Энгельса и Ленина против формальной логики актуальны до их пор. Он обвиняет своих оппонентов в том, что они считают «новую» формальную логику избавленной от метафизики [83, с. 214]. Между тем, по мнению Черкесова, нельзя отображать противоречия, существующие в действительности, непротиворечивым образом, как считают представители концепции «неметафизической», «неонтологической» логики [83, с. 216], ведь именно диалектическая логика имеет цель адекватно отразить противоречия реального мира. Другой момент, против которого протестует Черкесов, касается того, что для диалектики обязательны принципы формальной логики. Черкесов прямо пишет, что такой подход подрывает самостоятельность диалектической логики [83, с. 217]. В связи с этим Черкесов протестует против монополии формальной логики на «определённость, последовательность, доказательность» [83, с. 217]. Как он справедливо замечает, если предоставить формальной логике такую монополию, то диалектическая логика оказывается излишней, а ленинское тождество диалектики, логики и теории познания не будет соблюдено.

В следующем номере дискуссия была продолжена парой статей за авторством М. Строговича, член-корреспондента Академии наук СССР, и И. Осьмакова. За рамками дискуссионного раздела журнала была помещена резко критическая статья В. Тугаринова и Л. Майстрова, в которой философы разбирали недавние переводы книг Тарского, Гильберта и Аккермана под редакцией С. Яновской, а также ответ Яновской[7].

Строгович в своей статье прямо говорит о негативном влиянии идей Марра на логические исследования до окончания дискуссии о языкознании [79, с. 309]. В этой связи Строгович пишет: «нет логики буржуазной и логики пролетарской, есть одна человеческая логика» [79, с. 316]. Если

[7] Этот эпизод дискуссии будет рассмотрен в части работы, посвящённой рецепции западных разработок в области логики.

формальная логика изучает вещи в устойчивом состоянии, то, по мнению автора, это не означает автоматически её метафизичности [79, с. 312]. Строгович как представитель формальной логики занимает оборонительную позицию и не выдвигает сильных тезисов. Сторону диалектических логиков он критикует отчасти неуверенно и с оговорками начёт того, что он предлагает одну из возможных интерпретаций высказываний Черкесова. Строгович реагирует на то, что Черкесов сказал о преодолении принципов формальной логики в диалектике. Автор замечает, что, хотя и формальная логика – низшая по сравнению с диалектической, её законы обязательны и для диалектической логики [79, с. 315]. Возражение подкрепляется ссылкой на авторитет: «Блестящие образцы применения классиками марксизма-ленинизма диалектического метода являются в то же время и образцами строгой логичности мышления (*в смысле применения и соблюдения законов формальной логики* (курсив мой. – *М. М.*))» [79, с. 315]. Впрочем, включение формальной логики в диалектическую в качестве её составной части, как предлагает Строгович, несомненно, проблематично. Собственно, это и было точкой преткновения в спорах. Законам тождества, исключённого третьего и недопустимости противоречия сторона диалектической логики противопоставляла рассмотрение предмета в его противоречивом развитии.

Незадолго до начала дискуссии в «Вопросах философии» вышло новое издание учебника по логике Строговича для высших учебных заведений. Проблеме соотношения формальной и диалектической логике там посвящена отдельная глава. Впрочем, там нет упражнений к параграфам, что помогло бы студентам закрепить материал: как именно применять диалектическую логику в познании, сохраняя действенность законов классической логики. Примечательно, что Строгович критикует неклассические логики, разрабатываемые «буржуазными учёными» на том основании, что в них происходит отказ от законов классической логики, в то время как они являются и законами действительности, проверенными

исторической практикой [78, с. 73]. Если формальную логику можно вписать в поле легитимной советской философии с помощью «поправок», то неклассические логики, с точки зрения Строговича, нельзя переработать таким образом. Среди недостатков учебника Строговича Асмус в своём отзыве отметил недостаточное знакомство с современной логической теорией [11, л. 1-2], а главу о соотношении формальной логики и диалектической он назвал «сомнительной» и «не необходимой» [11, л. 7].

Статья И. Осьмакова отчасти поясняет позицию министерства высшего образования СССР, поскольку автор был сектора философии отдела преподавания общественных наук министерства. Автор утверждает, что классовый характер может носить только мировоззрение, а не мышление, которое устроено по единым законам независимо от класса. Отсюда Осьмаков делает вывод: «Не может быть ни формальной, ни диалектической… кроме единой, общечеловеческой логики – логики мышления людей» [62, с. 318]. Что касается обозначения науки логики, то здесь Осьмаков так же категоричен. Он не считает ни «формальную», ни «диалектическую логику» удачными терминами. «Формальную логику» он называет буржуазным этапом в развитии логики, а в случае «диалектической логики» он замечает, что любая настоящая наука диалектична, поэтому термин «диалектическая» излишен [62, с. 321].

Дискуссия была продолжена в следующих номерах журнала уже в 1951 году. Вышла статья П. Попова, которого критиковал Осьмаков за то, что в разработанной Поповым программе по истории логики тот не показал, как логика служила «эксплуататорским классам» и как она должна служить советскому народу [62, с. 325]. П. Попов был исполняющим обязанности заведующего кафедрой логики на философском факультете МГУ с 1943 года и не был утверждён в этой должности по политическим причинам: он был беспартийным и «бывшим». С 1949 года в должности заведующего был утверждён В. Черкесов.

В своей статье Попов не мог не остановится на критике «марризма» и утверждении общечеловеческого характера форм мышления. В ответ на критику отрыва формы от содержания, которая озвучивалась диалектическими логиками, Попов выдвинул контраргумент: «Если бы формы мышления менялись в зависимости от конкретного материала, к которому они прилагаются, то не могло бы быть никакой логики, как общего учения о формах мысли, как свода правил, имеющих универсальное применение» [65, с. 210]. Он обращает внимание на ошибку Гегеля о том, что формальная логика и диалектическая несовместимы, и обвиняет «меньшевиствующих идеалистов» (как называли группу Деборина после постановления ЦК 1931 года) в повторении этой ошибки [65, с. 217]. Разделение компетенций формальной логики и диалектической Попов провёл следующим образом: формальная логика не занимается движением понятий, «переходами одной мысли в другую», в отличие от диалектической логики, которая занимается именно развитием мысли. При этом Попов оговаривается, что простая последовательность мыслей и получаемые выводы не следует считать развитием [65, с. 213]. Впрочем, Попов не развернул свой тезис насчёт диалектической логики. Его высказывания как представителя формальной логики были осторожными и по большей части оборонительными.

Согласно архивным документам, в МГУ на философском факультете должно было происходить обсуждение первых двух статей из этого цикла дискуссии: от каждой кафедры должен был выступить один человек [71, л. 68]. Стенограмм обсуждения в стенах МГУ в архиве обнаружить не удалось. Однако в «Вопросах философии» вышел тезисный пересказ прозвучавших выступлений, составленный М. Алексеевым. Согласно нему, в декабре 1950 года в Москве прошло обсуждение спорных вопросов логики, в котором приняли участие не только преподаватели и профессоры МГУ, но и сотрудники Института философии АН СССР, педагогических институтов и московских средних школ (где на тот момент уже

преподавали логику). Открывший дискуссию декан философского факультета МГУ занял позицию, что формальная логика – пройденный этап и она не является частью диалектического материализма [7, с. 185]. В. Богуславский присоединился к мнению, что различение формальной правильности и истинности не должно иметь места [7, с. 186].

Со стороны формальных логиков выступили А. Ветров, который назвал диалектическую логику методологией наук, в том числе формальной логики [7, с. 187]; Е. Войшвилло, протестовавший против обвинений формальной логики в метафизичности [7, с. 189]; Н. Воробьёв, защищавший право формальной логики быть частью философии [7, с. 190]; С. Яновская, которая направила критику на логический позитивизм [7, с. 191]. Самые резкие тезисы среди формальных логиков высказал, пожалуй, В. Асмус. Так, он усомнился в возможности особых диалектических форм мышления, в которых и состояло качественное отличие диалектической логики от формальной: «Сторонники этого взгляда полагают, будто каждый закон мышления имеет две „редакции“: формально-логическую и диалектическую. Но где, когда и кем сформулированы „двойные“ законы? Насколько известно, никто из сторонников этого взгляда ещё не мог объяснить, например, по какому закону, *отличному* от формально-логического закона противоречия, мыслит диалектик, когда он избегает логической самопротиворечивости в собственном мышлении» [7, с. 188]. Действительно, претензия Асмуса была оправданна, а последующие попытки сформулировать специфические диалектические законы и формы мышления оказались неудачными. Одну из таких попыток предпринял М. Алексеев, который тоже принял участие в прошедшем в МГУ обсуждении. Он в своём выступлении упомянул, что диалектическая логика должна заниматься проблемой диалектических категорий и создать классификацию суждений, отличную от формально-логической [7, с. 189]. На дискуссии прозвучали выступления, которые не были пересказаны Алексеевым: А. Зиновьева, П. Попова, В. Черкесова, И. Осьмакова,

М. Строговича и других. Алексеев отметил, что кафедра диалектического и исторического материализма не приняла участия в обсуждении. На тот момент кафедрой заведовал З. Белецкий, которого в это время его коллеги по МГУ пытались сместить с этой должности[8].

Примечательна статья член-корреспондента Академии наук А. Александрова, который занимался математикой и, по своему признанию, не был специалистом в логике. В своём тексте он много критиковал представителей формальной логики: Асмуса, Строговича, Бакрадзе, Осьмакова за то, что те ограничиваются «старой» формальной логикой в своих статьях [6, с. 153, 155]. Промежуточный итог дискуссии подвёл Гагарин в своём отчёте о научной жизни на философском факультете. С 1952/1953 учебного года Гагарин разделение факультета на отделения философии, основ марксизма-ленинизма и логики [24, с. 218].

Свой вклад в дискуссию внёс Б. Кедров, на тот момент бывший членом редколлегии «Вопросов философии», профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС и научным редактором Большой советской энциклопедии. Он отверг и позицию «единой логики» («диалектизированной формальной логики», что означало отрицание самостоятельности диалектической логики), и позицию разграничения и противопоставления формальной логики и диалектической. Он назвал эти точки зрения односторонними и высказал опасение, что точка зрения на формальную логику как на логику классового врага ещё не изжита [43, с. 212]. Кедров стоял на точке зрения, согласно которой у формальной и диалектической логик – один предмет. Размежевание он обосновывал тем, что формальная логика опирается на четыре закона логики, а диалектическая логика – на четыре черты диалектики, сформулированные Сталиным в четвёртой главе «Краткого курса истории ВКП (б)»; кроме того, в диалектической логике истина диалектична, а не неподвижна, и представляет собой процесс [43, с. 214]. Кедров в своей критике отверг

[8] Подробности так называемого «дела Белецкого» см.: [48, с. 164-179].

возможность считать формальную логику частью или частным случаем диалектической, отметив, что он впервые среди авторов «Вопросов философии» выступил против этой точки зрения, которую поддерживал ещё Плеханов [43, с. 220-221]. Вместе с тем он провёл различие между формальной логикой и метафизикой: если последняя может служить оружием классового врага, то формальная логика – нет [43, с. 226-227]. Здесь Кедров, как и другие дискуссанты, высказал общее место об общечеловеческом характере логики. И всё же Кедров оказывается, пожалуй, самым последовательным критиком формальной логики. Он выступил против смешения формальной и диалектической логики, назвав это опасным [43, с. 222]. В этой связи принципиально важен аргумент Кедрова о соответствии законов мышления законам объективной действительности. По мысли Кедрова, если бы формы мышления характеризовались неподвижностью и непротиворечивостью, на чём настаивали представители формальной логики, то адекватно отразить диалектически устроенную действительность не представлялось бы возможным: это бы вело к агностицизму и идеализму в духе Канта [43, с. 224].

В. Рожин, исполняющий обязанности заведующего сектором логики в ИФ АН и преподаватель Высшей партийной школы, тоже отверг теорию «единой логики», согласно которой формальная логика – часть диалектики [72, с. 240]. Критикуя формальную логику, Рожин призвал коллег бороться с современной буржуазной логикой: «Советским логикам необходимо… по-большевистски разоблачать антинаучные спекуляции представителей лженаучных течений – символической логики, логики отношений, логического позитивизма и т. д. и т. п.» [72, с. 241]. Он назвал Рассела, Уайтхеда, Карнапа, Витгенштейна, Серрюса «мракобесами» и «отъявленными идеалистами» [72, с. 241], хотя самого Рожина впору назвать обскурантом. В 1950-е годы были подготовлены издания на русском языке перечисленных философов, о чём речь пойдёт ниже. В

1956 году вышла монография Рожина «Марксистско-ленинская диалектическая логика».

В середине 1951 года «Вопросы философии» опубликовали обзор присланных в редакцию журнала статей и писем. Скорее всего, его составлял Митрофан Николаевич Алексеев, диалектический логик из МГУ: обзор был опубликован за авторством А. Н. Митрофанова. Всего их было порядка шестидесяти. Философы из разных регионов высказывали своё мнение по вопросам дискуссии. В ходе пересказа этим мнениям иногда давалась оценка. Например, критике подвергались попытки смешения формальной логики и диалектического материализма, попытки придать рассмотрению вопросов логики более «классовое» звучание, отрицать существование диалектической логики как дисциплины [59, с. 153-154, 156, 158]. Текст самого Алексеева попал в обзор. В нём автор, как и Кедров, связывал специфику диалектической логики как отдельной дисциплины с четырьмя чертами диалектики, выделенными Сталиным [59, с. 161]. Между тем отождествление формальной логики и метафизики, сделанное, например, Копниным, критикуется в обзоре [59, с. 163].

Итоги дискуссии были подведены в следующем номере. В заключительном тексте целью дискуссии была названа борьба с марризмом, который был распространён во взглядах философов на логику и нашёл отражение в министерской программе по логике для высших учебных заведений, утверждённой в 1949 году. Установка о классовом характере логики стала невозможной после текстов Сталина 1950 года. Вместе с тем нельзя сказать, что формальная логика в этом тексте была полностью уравнивалась в правах со всеми философскими дисциплинами: «Линия на смешение формальной логики с диалектическим материализмом, на включение формальной логики в марксизм есть в настоящее время наиболее путаная, ошибочная и вредная линия в логике…» [40, с. 147]. Позиция, отрицающая право диалектической логики заниматься мышлением, как это делает и формальная логика, тоже подверглась критике

как недопустимая [40, с. 148]. Наконец, анонимные авторы заключительного текста предостерегли от опасности идеалистических толкований формальной логики и призвали «разоблачать» буржуазные теории Рассела, Карнапа, Уайтхеда [40, с. 149].

Год спустя вышла ещё одна статья по итогам дискуссии, уже не анонимная и в другом журнале с широкой научной и общественно-политической повесткой. На страницах «Большевика» высказались М. Алексеев и В. Черкесов. Авторы настаивали на иерархии диалектической логики как «высшей» и формальной – как «элементарной» и выступили против концепции «единой логики», под которой подразумевается формальная [9, с. 33]. Все высказанные тезисы уже были озвучены в ходе дискуссии, однако статья не осталась без внимания философского сообщества: к ней в дальнейших обсуждениях обращались и сторонники, и противники высказанной точки зрения.

§2. Понятие «научно-технического прогресса» и формальная логика.

В дальнейшем ходе дискуссии появилось новое понятие, к которому стали прибегать формальные логики, – понятие научно-технического прогресса. Его появление в официальной риторике относится к концу 1950-х годов, а широкое распространение в речах государственных и партийных деятелей, учёных и публицистов оно получило во второй половине 1960-х годов [14, с. 240]. В дискуссии о соотношении формальной и диалектической логики в 1950-1960-е тема приложения логики к технике и частичного моделирования мышления обсуждалась среди формальных логиков до того, как понятие «научно-технический прогресс» стало настолько популярным, что Г. Поваров, переводчик «Кибернетики» Н. Винера, даже придумал для изучения феномена научно-технического прогресса отдельную науку – дедалогию (Поваров, 1972).

Как уже было сказано, обвинения в сторону формальной логики достигли своей вершины в 1930-е годы – во время «нигилизма» по отношению к формальной логике. Вместе с тем именно в 1930-е начала развиваться

теория релейно-контактных схем в математической логике, которая окажется крайне востребованной в электроавтоматике в 1950-1960-е годы – во время разгара дискуссии о предмете логики. Одним из аргументов формальных логиков была польза формальной логики для автоматизации производства, разработки машинного перевода и частичного машинного моделирования процесса мышления. Все эти темы вписывались в рамку понятия «научно-технического прогресса». Философская самоцензура заставляет автора работать с понятиями, взятыми, например, из политической риторики, так, чтобы они приобрели вид, кардинально отличный от изначального. В случае советской философии «возгонка» почти всегда была гораздо менее выраженной, а прямая апелляция к властному авторитету – обязательным условием существования в легитимном пространстве дисциплины. И всё-таки «техническое приложение логики», цель которого – содействие «научно-техническому прогрессу», можно считать удачным операциональным переводом на философский язык партийных требований «технического прогресса», который должен был стать основой для «построения материальной базы коммунизма».

В философской литературе понятия «научно-технического прогресса» и смежных ему или производных: «прогресса», «технического прогресса», «научно-техническая революция», «научно-технический переворот» чаще всего встречались на страницах анонимных передовых статей, составляемых несколькими членами редакции журнала, в котором выходит статья. Тема статьи неизменно была связана с научной и политической повесткой дня. Связь политики и философии в подобных текстах проговаривалась наиболее отчётливо, что вместе с тем не означает полного поглощения политической повесткой собственно философской составляющей. Так, одним из соавторов передовиц журнала «Вопросы философии» был философ-«шестидесятник» Мераб Мамардашвили, который использовал разные стратегии для сочетания гетерономного и

автономистского (историко-философского, «кружкового») поля [75, с. 8-18]. В «Вопросах философии» № 8 1959 года одна из передовых статей не установленного авторства посвящена автоматизации производства. Она интересна тем, что в ней упоминается математическая логика. В ней говорится о «больших перспективах по исследованию умственной деятельности», которые «открываются перед логикой» [4, с. 10]. И далее следует уточнение, которое в контексте дискуссии прочитывается как полемическое высказывание: «исследование форм и приемов мышления должно вестись объективными, точными методами. Такие методы частично выработаны… в математической логике» [4, с. 10]. Это прочитывается как имплицитный выпад против диалектической логики, которая, как и формальная, занимается мышлением, но не применяет точных методов в исследовании.

О практической пользе математической логики в свете дискуссии свидетельствует следующий эпизод. Как сообщает Б. Бирюков, ссылаясь на имевшийся в его распоряжении архив Яновской, в конце 1950-х – начале 1960-х годов Яновская предполагала написать учебник логики для гуманитариев и отвести в нём специальный раздел о связи математической логики и техники [16, с. 177]. В 1957 году она сделала доклад на Всесоюзном совещании по теории релейных устройств. На поставленные ею вопросы: «Почему именно в наше время математическая логика и ее значение для математики и техники столь быстро растут? Не связано ли оно само с созданием новой техники, машин нового типа, с широким развитием автоматики?» [68, с. 4] – в ходе доклада она дала утвердительный ответ, приведя примеры, в том числе математической лингвистики, автоматического перевода, общей теории автоматов и других.

Яновская выступила инициатором перевода «Математической логики» Р. Гудстейна, вышедшей на русском в 1961 году, и статьи Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить?». В своём предисловии Яновская упомянула о важности моделирования умственной деятельности человека [81, с. 3].

Очевидно, что диалектическая логика не ставила перед собой такую задачу. Позиция Яновской в связи с «научно-техническим прогрессом» созвучна тому, как высказывались её коллеги и ученики. Д. Горский и С. Смирнов писали: «…углубление марксистско-ленинского понимания соотношения между практикой и познанием становится сейчас особенно актуальным в связи с тем, что бурные процессы развития современной науки и техники, их интеграция в единый поток все шире развертывающейся научно-технической революции, возрастающие и приобретающие качественно новый характер математизация и формализация научного познания и многие другие процессы коренного преобразования всех системы науки и техники порождают ряд принципиально новых явлений в сфере взаимодействия практики и познания» [66, с. 6].

Утверждения о практической пользе логики можно было бы не считать специфичными ввиду официального марксистского тезиса о соотношении теории и практики. Возможно, это было бы так, если бы не утверждение понятия «научно-технического прогресса» в качестве ключевого в 1960-е годы и связанные с этим институциональные изменения, когда Академия наук перестаёт быть «почётным клубом» учёных и становится частью государственного предприятия, выполняя экспертные функции в экономическом планировании [14, с. 244-245]. Ещё более важное изменение – это придание науки цивилизационной роли, определяющей успей социалистического строя, что происходит на рубеже 1950-1960-х годов [14, с. 257-259]. Об этих процессах подробно пишет А. Бикбов в своей книге «Грамматика порядка», используя методологию исторической социологии понятий. К философским баталиям это имеет следующее отношение. Диалектическая логика лучше всего соответствует порядку «диктатуры пролетариата» и апеллирует прежде всего к принципу партийности, где «буржуазная» идеалистическая философия противопоставляется «пролетарской» диалектико-материалистической. Действительно, в начале 1930-х годов, во время «обострения» классовой борьбы риторика

«нигилизма» по отношению к «буржуазной» формальной логике не впадала в противоречие ни с одним пунктом программы партии. В условиях объявленного завершения классовой борьбы внутри страны и провозглашения науки «непосредственной производительной силой» релевантной оказывается формальная, математическая логика. Защитники диалектической логики тоже старались встроиться в этот тренд, однако объективно преимущества были на стороне формальной логики. Так, в передовой статье «Вопросов философии», к написанию которой был привлечён предположительно М. Розенталь, член редакции, говорилось, что «все развитие современной науки… требует именно разработки диалектической логики» [22, с. 7]. Актуальность понятия «научно-технический прогресс» для строительства коммунизма становится одной из причин институционального поражения диалектической логики перед формальной.

§3. Дискуссия на философском факультете МГУ (1954 г.).

Спустя три года после окончания дискуссии, длившейся на страницах журнала «Вопросы философии» в течение 1950-1951 годов, в стенах МГУ состоялась новая дискуссия. Если судить по сохранившимся в архиве стенограммам, заседания проходили с 16 февраля по 24 марта 1954 года. Большая часть дискуссии не сохранилась. Стенограммы докладов как источник примечательны тем, что в устных выступлениях уровень самоцензуры наиболее низок, а редакторские правки, которые есть в журналах, совершенно отсутствуют. Поэтому устные доклады представляют собой высказывание от первого лица с наименьшими эффектами искажения авторской позиции.

Дискуссию открыл, как и в предыдущем случае, В. Черкесов. Он констатировал, что дискуссия не привела к практическому пересмотру спорных вопросов и к изменению позиции формальных логиков даже после публикации Черкесова и Алексеева в «Большевике» [77, л. 3]. Черкесов провёл разделение противоборствующих сторон не по тому, какой

проблематикой занимаются участвующие в дискуссии философы – проблематикой формальной логики или диалектической. В свои союзники он записал не только Алексеева, Мальцева, Тугаринова, но и Строговича, Яновскую и Попова. В числе оппонентов он назвал Асмуса, Бакрадзе, Воробьёва, Ветрова и Войшвилло. Черкесов в первую очередь отверг различение формальной правильности и истинности и привёл аргумент: «С этой точки зрения (Асмуса и Бакрадзе. – *М. М.*) одинаково логически безупречно мышление материалиста и идеалиста, диалектика и метафизика, коммуниста и реакционного правосоциалиста» [77, л. 3]. То есть формальная правильность в отрыве от истинности не только противоречит установке диалектического материализма о соответствии форм мышления формам действительности [77, л. 4], но и имеет политическую опасность. В этой позиции прочитывается и сталинский философский фундаментализм, согласно которому, философская теория – такое же оружие борьбы, как и винтовка; и гегельянско-марксистская установка на неразрывность формы и содержания, предмета и метода исследования, логического и исторического.

Важный пункт выступления Черкесова – установление иерархии между диалектической логикой как «высшей» и формальной как «элементарной». Основой для этого Черкесов считает существующую иерархию между диалектическими законами и законами, изучаемыми формальной логикой, как между «высшими» и «элементарными» законами [77, л. 8]. Докладчик иллюстрирует эту иерархия следующим примером. Он возражает Бакрадзе, который, по словам Черкесова, считал, что только формальная логика учит определённости, последовательности и доказательности: в формальной логике им соответствуют три закона классической логики, которые, однако, не исчерпывают данных понятий. С точки зрения Черкесова, определённость достигается при соблюдении принципа конкретности истины, последовательность – через соответствие логического порядка историческому, а доказательность достигается на основе практики [77,

л. 12-13]. Задачу диалектического материализма Черкесов видит в этой связи в том, что указать пределы применимости формальной логики и её ограниченную область: «Диалектико-материалистический подход к формальной логике состоит не в том, чтобы „диалектизировать“ ее, а в том, чтобы указать ее настоящий предмет, ее область применения и место среди других наук» [77, л. 13]. Наконец, Черкесов обращается к недавней истории – позиции группы механистов (А. Варьяш, И. Скворцов-Степанов, Л. Аксельрод, А. Тимирязев и другие), споривше во второй половине 1920-х годов среди прочего о применении диалектической методологии в естествознании с группой диалектиков (А. Деборин, Н. Карев, И. Луппол, Б. Гессен и другие). В 1930 году и та, и другая группа были осуждены как в философском пространстве (сначала механисты, потом диалектики), так и на высшем партийном уровне – как правый и левый уклон соответственно. Группу диалектиков стали называть не иначе, как «меньшевиствующие идеалисты». Черкесов в докладе упомянул механистов в критическом ключе, но о диалектиках умолчал, хотя механисты и диалектики обычно не упоминались по отдельности. Говорить о симпатиях Черкесова к «опальным» философам группы Деборина было бы большой натяжкой. И всё же отсутствие упоминания, которое неизбежно должно было быть резко критическим по правилам цензуры, даёт основания для предположений, что Черкесов признавал концептуальную ценность разработок группы Деборина.

Критика «меньшевиствующего идеализма» встречается в выступлении П. Попова. Он говорил о гегельянском толковании формальной логики, которая якобы противоречит диалектике [77, л. 14]. Попов возражает против того, что Энгельс считал формальную логику элементарной, а также критикует умаление формальной логики как философской дисциплины: «так истолковывать недостаточность требований определенности, последовательности и т. д. в области формальной логики, как это получается по схеме тов. Кедрова и его последователей, мне представляется

равносильным выключению формальной логики из ранга наук» [77, л. 15-16]. «Смешение» формальной логики и диалектики, которое в итоговой статье в «Вопросах философии» было названо недопустимым, для Попова видится необходимым, поскольку любая советская дисциплина, претендующая на статус научной, должна опираться на диалектический материализм [77, л. 16-17].

В. Асмус присоединился к точке зрения Попова, хотя Черкесов и отнёс их к разным сторонам дискуссии. Асмус, как и Попов, высказал мнение, что «элементарных» наук не существует, а элементарным можно назвать только преподавание какой-то науки. Кроме того, по Асмусу, не существует «высших» и «низших» законов и форм мышления, которые позволяют выстроить иерархию между формальной логикой и диалектической – диалектика является высшей в том смысле, что даёт метод всем остальным наукам. А у формальной и диалектической логики, как считал Асмус, разные предметы исследования [77, л. 18-18 об.]. Союзник Асмуса А. Ветров описал позиции спорящих сторон таким образом, что Алексеев, Черкесов и Попов отрицают возможность применения диалектического метода в формальной логике по той причине, что диалектический метод якобы является монополией диалектической логики. Сам Ветров, как и Асмус, Воробьёв, Войшвилло, считал, что существует только одна логика в мышлении и одни законы мышления, а не отдельно высшие и низшие [77, л. 20-20 об.].

Существование двух логик, а не одной, зафиксировал в своём выступлении декан философского факультета МГУ В. Молодцов. Это высказывание, как записано в стенограмме, вызвало смех в аудитории. Молодцов также кратко остановился на других закреплённых в дискуссии пунктах, более несомненных, чем единственность или двойственность логики: общечеловечность логики, непрерывное развитие законов мышления и их теории, связь мышления и практики, тот факт, что диалектическая логика является частью марксизма, в отличие от

формальной логики [77, л. 26]. Молодцов позволил себе оценить сам ход дискуссии. Среди недостатков он отметил слишком большое количество обсуждаемых вопросов и «нарушение принципов логики»: отсутствие аргументации у некоторых выступавших и злоупотребление аргументом от авторитета, подмена тезиса [77, л. 27-29].

Следующий доклад сотрудника Московского библиотечного института А. Зозули интересен тем, что он отождествляет нигилистическую позицию по отношению к формальной логике в 1930-е годы и позицию Кедрова, Алексеева и Черкесова. Зозуля ссылается на статью Г. Александрова в Большой советской энциклопедии 1938 года издания, на философский словарь под редакцией П. Юдина и М. Розенталя. Разница между «нигилизмом» прошлого и точкой зрения упомянутых философов, по мнению Зозули, лишь в том, что теперь «неразумно открыто третировать формальную логику как орудие классового врага» [77, л. 39]. Проект диалектической логики, предлагаемой этими авторами, подвергается разгромной критике: «Утверждение, что формальная логика есть нечто сугубо элементарное, абстрактное, малопригодное для целей познания объективной истины, годное лишь для кухонного обихода и т. д. и т. п. и что поэтому надобно создавать „марксистско-ленинскую диалектическую логику“, которая, таким образом, дополнит марксизм и станет подлинно классовой, пролетарской и надстроечной, – эти разговоры (и писания) – плод тяжелого умственного недомогания, и стоит просто диву дивиться, что племя людей, исповедующих эти троглодитские воззрения, еще не перевелось в нашей стране» [77, л. 42]. Докладчик называет сложившееся положение «аракчеевским режимом в логике», когда эти философы транслируют свою позицию, опираясь на авторитет своих институций, при этом демонстрируя «логическую безграмотность»; возмущают Зозулю также их «непомерные претензии» и «развязность» [77, л. 40-41]. Более того, Зозуля обвиняет философов из Института философии, МГУ и

«Вопросов философии» в том, что с момента постановления ЦК о введении обязательного преподавания логики в школах не произошло научного прорыва в логических исследованиях [77, л. 39]. Зозуля достигает вершины своего сарказма, когда после разбора нескольких утверждений Черкесова заявляет, что необходимо «обучить заведующего кафедрой логики МГУ элементарной языковой и логической грамоте, прежде чем он приступит к составлению документов для публичной дискуссии по ним» [77, л. 42]. Докладчика не устраивает то, как диалектические логики трактуют изменчивость и развитие в области мышления: он считает, что законы мышления не меняются во времени, а Черкесов и Алексеев предлагают «неуловимую текучесть» в смысле Кратила, которая ведёт к «болоту идеалистического релятивизма» [77, л. 47]. По мнению Зозули, ни предмет, ни законы мышления, имеющие общечеловеческий, а не партийный характер, не менялись в истории. Кроме того, Зозуля считает опасным тренд на внесение «поправок» в формальную логику, которые бы избавили её от идеалистических черт [77, л. 53]. О самом докладчике известно, кроме того, что он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Об отношении между доказательствами и умозаключениями в свете трудов классиков марксизма-ленинизма» в Институте повышения квалификации МГУ в 1953 году.

Другой участник дискуссии Б. Грушин, на тот момент – аспирант кафедры логики философского факультета МГУ, «решил выступить… в защиту диалектической логики» [77, л. 116]. Он указал на антиисторизм в понимании диалектической логики у Асмуса и Ветрова и скрытую метафизичность их воззрений [77, л. 120]. Вместе с тем защита диалектической логики для Грушина не означала защиту заведующего кафедрой логики Черкесова. Оценка его деятельности Грушиным весьма критична: Грушин не считает поиски Черкесовым особых диалектических форм умозаключения чем-то целесообразным [77, л. 126]. По мнению

Грушина, «Черкесов видит диалектическую логику там, где ее нет, и не видит ее там, где она есть» [77, л. 127]. Грушин не согласен с радикализмом критики Зозули в отношении Черкесова, пусть Грушин и протестует против умаления Черкесовым значения формальной логики [77, л. 129].

В статусе учителя логики выступил Г. Щедровицкий. Во-первых, он солидаризировался с Грушиным. Во-вторых, он подверг критике как Черкесова, так и Асмуса – за недиалектичность их подхода, за то, что они не рассматривают мышление в его развитии [77, л. 137, 141, 175]. По мнению Щедровицкого, диалектическая логика должна заниматься особенными формами мышления, что, в принципе, и делали Алексеев и Черкесов. Однако Черкесов и его сторонники, заявил Щедровицкий, «нисколько не меняют метод исследования процессов мышления; они берут напрокат обычные понятия формальной логики, забывая о том, что эти понятия выработаны на основе антиисторического метафизического метода и, в силу этого, не отражают, не могут отражать развития, не могут отражать исторических особенностей в формах мышления» [77, л. 138]. По мнению Щедровицкого, задачей диалектической логики должно быть изучение научного мышления [77, л. 177].

П. Попов в своём выступлении присоединился к позиции, устанавливающей иерархию формальной логики как низшей и диалектической – как высшей. Попов упомянул исследования по математической логике и их переводы. По мнению Попова, они не дают ничего для разработки общей логики, и нужно вести такие исследования в области математической логики, которые будут полезны для нужд общей логики [77, л. 184, 190]. Попов подчеркнул важность практики как критерия истины и теории отражения как предпосылки логических исследований [77, л. 181], а также предостерёг от отрыва формы от содержания, ведущего к идеализму: «В ней (логике. – *М. М.*), если следовать указаниям Сталина, нужно опираться не на голый язык

символики (это в общей логике может привести к той же карнаповщине), логика не есть логический синтаксис вымышленного языка, логика должна раскрывать логическую сторону, логические формы, соответствующие синтаксическим языковым показателям живого языка» [77, л. 190-191].

М. Алексеев, напротив, высказал сомнения насчёт пользы математической логики и выступил против сближения формальной логики и математической [77 л. 214]. Он указал, что между законами формальной логики и диалектикой нет противоречия: закон недопущения противоречия не противоречит закону единства и борьбы противоположностей. Этого противоречия нет, поскольку в диалектической логике рассматривается противоречие в одном и том же отношении, а не в разных. Законы формальной логики, по мнению Алексеева, не являются только лишь законами мышления – они являются и законами бытия [77, л. 204]. Алексеев назвал различие между формальной правильностью и истинностью порочным [77, л. 207]: согласно этому аргументу, такой отрыв ведёт к идеализму, поскольку не учитывает практического аспекта. С этим, как уже было сказано, был согласен и Черкесов. Вместе с тем у Алексеева были и расхождения с Черкесовым: так, Алексеев считал, что определённость, непротиворечивость и доказательность как свойства мышления изучает только формальная логика [77, л. 209]. Кроме того, Алексеев не согласился с тезисом Черкесова, что формальная логика должна изучать не все формы мышления, а только простые умозаключения [77, л. 210-211]. В стенограмме сохранились вопросы, заданные Алексееву, и его ответы. На вопрос, противоположна ли его точка зрения точке зрения Асмуса и Ветрова, Алексеев ответил: «я считаю, что существует диалектическая логика как наука о мышлении, а Асмус и Ветров отрицают» [77, л. 214]. Следующий вопрос интересен своей

провокационностью, хотя его можно расценивать как провокацию против формальных логиков. Вопрос был о форме силлогизма:

Все надстроечные явления классовы.

Язык – надстроечное явление.

_____

Язык – классовое явление.

Алексеев ответил, что форма правильная [77, л. 215]. О ложности посылок и заключения он не сказал, или это не сохранилось в стенограмме, что менее вероятно.

В дискуссии принял заочное участие математик академик А. Колмогоров, бывший на момент заседаний в отъезде. Его доклад был прочитан его коллегой – С. Яновской. У него не было таких обширных контактов с философским факультетом, как у Яновской, не было собственных ставок в этой борьбе, поэтому он мог занять позицию, которая в определённом смысле опрокидывала устоявшуюся иерархию дисциплин. С точки зрения Колмогорова, в иерархии наук не должно было быть формальной и диалектической логик, а должны быть диалектика, логика и теория познания, при этом последняя включается в диалектику [77, л. 230]. Он аргументировал избыточность диалектической логики как дисциплины следующим образом: «Называть диалектику в общем ее понимании „диалектической логикой“ не следует: было бы вредным давать повод к гегельянским представлениям, что законы развития природы являются законами логики. Применение же законов диалектики к логике не составляет какого-либо особого раздела, а проникает ее всю тем в большей степени, чем изучаемые логикой формы мышления становятся более сложными» [77, л. 232]. Из отстранённой позиции Колмогоров утверждал, что Черкесов неправильно изложил позицию своих оппонентов, а Ветров ошибся в том, что приписал Попову и Черкесову утверждение о двух логиках [77, л. 231].

После оглашения доклада Колмогорова последовало выступление самой Яновской. Она поделилась опытом проведения обязательного курса по математической логике для студентов, с которым те, по словам Яновской, великолепно справились. В контексте преподавания математической логики Яновская высказала свой способ противостоять идеализму – «хорошо владеть науками», преподавать математическую логику сначала с марксистской точки зрения, а потом давать критику «идеалистических спекуляций» [77, л. 235-236]. Она поставила под вопрос «элементарность» формальной логики, приведя пример арифметики, которая является одновременно предметом в начальной школе и самой трудной областью математики [77, л. 234].

В дискуссии принял участие недавно защитивший кандидатскую диссертацию Э. Ильенков. Он занял непримиримую позицию как по отношению к формальным логикам, что не вызывает удивления, так и по отношению к своим коллегам по МГУ – диалектическим логикам Черкесову и Алексееву. Ильенков, вопреки мнению Черкесова, сказал, что разногласия между Черкесовым и Алексеевым с одной стороны и Асмусом, Воробьёвым и Ветровым с другой не так велико, чтобы быть основным противоречием в логической науке [30, с. 254-255]. В этом он оказался солидарен с Щедровицким. Точку зрения Алексеева Ильенков назвал «кашей» [30, с. 256]. По мнению Ильенкова, основное разногласие состояло в том, изучает ли мышление только формальная логика или нет. Весь доклад он посвятил критике формально-логической терминологии: Ильенков требует признать, что все категории материалистической диалектики являются формами мышления, поскольку о них таким образом высказывались классики марксизма-ленинизма [30, с. 258-259].

Другой пункт критики Ильенкова – понимание логики как общечеловеческой. Для Ильенкова противопоставление классового и общечеловеческого – это оппозиция между историческим и неисторическим. По мнению Ильенкова, поскольку общечеловеческие

формы мышления для Ильенкова не изменились с течением истории, то они не должны быть приоритетом исследования. Так, эти формы бедны и не представляют интереса, поскольку не раскрывают специфики мышления: «Поэтому, когда Воробьев говорил о том, что эти формы общечеловечны и что они сложились очень давно, десятки тысяч лет тому назад, то с этим можно согласиться, расширив пределы истинности его утверждения – не только общечеловечны они, а общемлекопитающи и сложились не десятки тысяч, а миллионы и десятки миллионов лет назад…» [30, с. 262]. Ильенков имплицитно обратился к «Диалектике природы» Энгельса, где он в черновых заметках о диалектической логике говорит о том, что все виды рассудочной деятельности присущи и людям, и животным, однако отличаются «по степени (по развитию соответствующего метода» [55, с. 538].

Аргумент Ильенкова намного изящнее аргумента Черкесова, который заслужил справедливый упрёк в скрытом «марризме», то есть утверждении классового характера мышления. То есть Черкесов настаивал на политической опасности формальной логики, в то время как Ильенков предложил, скорее, концептуальную критику: его радикализм в оценке формальной логики достиг высшей точки, когда Ильенков утверждал, что формальная логика никогда не занималась спецификой мышления. По Ильенкову, специфика мышления в том, что оно «способно отражать, выражать внутренние всеобщие необходимые закономерности объективного... предмета» [30, с. 263-264], который устроен диалектически, а не в том, что оно выражается в суждениях и умозаключениях [30, с. 260]. Вердикт Ильенкова бескомпромиссен: «Все то рациональное, что так или иначе было и есть в формальной логике, диалектическая логика сформулирует с легкостью гораздо более вразумительно и четко» [30, с. 270-271].

В. Мальцев подвёл итоги дискуссии. На взгляд Мальцева, количество спорных вопросов уменьшился, было установлено несколько общих

пунктов, по которым согласны дискуссанты: среди них – тезис о том, что логический формы являются отражением материального мира. Вместе с тем он по одному и тому же пункту критиковал Горского, чьё выступление не сохранилось, и своего союзника Алексеева: оба они, по мнению Мальцева, попытались установить прямую связь между чертами объективной действительности и формулировками законов мышления (из контекста становится понятно, что имеются в виду законы логики, однако такой психологизм не рефлексируется автором). Такой подход, как считает Мальцев, игнорирует теорию отражения и приводит к «пустому аналогизированию» [77, л. 290]. Мальцев критикует Алексеева и в вопросе, является ли логика философской дисциплиной: отрицательный ответ Алексеева, такой же, как и у Асмуса, не удовлетворяет Мальцева [77, л. 291]. В вопросе о связи логического и исторического Мальцев солидаризировался с Ильенковым [77, л. 298]. Тезис об изменчивости, развитии законов мышления также сближает Мальцева с Ильенковым. Впрочем, никто из дискуссантов не мог его отрицать, хотя трактовки этого тезиса были различными. Так, Мальцев отметил, что Воробьёв признаёт изменчивость законов мышления только «на словах» [77, л. 292]. Мальцев не был во всём согласен с Ильенковым: среди расхождений – оценка важности изучения философии Гегеля. Основной задачей Мальцев считает изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, «исследование партийной борьбы, которая протекала в нашей партии и которая заключала ряд моментов, связанных с логикой. В. И. Ленин на протяжении многих лет боролся с Бухариным, который, искажая действительность, абсолютизировал ряд положений формальной логики» [77, л. 300-301]. То есть если Ильенков апеллировал к гегелевской философии – одному из трёх источников и составных частей марксизма (Ленин), то Мальцев апеллировал к практике внутрипартийной борьбы. Ильенков в этом смысле, обладая историко-философской компетенцией в большей мере, стоял на более автономистском полюсе. Мальцев же, как и Черкесов, были

нацелены, скорее, на описание логики мышления политического субъекта, чем на решение задач, связанных с историей философии и теории познания в собственном смысле.

Дискуссия показала, что проблема соотношения формальной и диалектической логики не исчерпала свой потенциал для обсуждения. Важно, что формальные логики чувствовали необходимость содержательно реагировать на критику со стороны диалектических логиков. Со временем необходимость ответа для формальных логиков перестанет быть самоочевидной, а дискуссия сойдёт со страниц главного философского журнала. 1950-е годы были ситуацией неопределённости для обеих сторон противостояния. Недавно реабилитированная формальная логика находилась в неустойчивом положении, её защитники вынуждены были возвращаться к аргументам, доказывающим её право на существование. Сторонники диалектической логики, которую обвиняли в скрываемом «нигилизме», тоже были вынуждены убеждать своих коллег в состоятельности своей дисциплины. Утверждение общечеловеческого в противовес классовому означало концептуальное преимущество формальной логики перед диалектической. Однако один аргумент не мог решить исход борьбы. Дело состояло в том, чтобы добиться перевеса в области философского воспроизводства и трансляции собственных идей.

Глава 3. Дискуссия о формальной и диалектической логике в образовательном пространстве.

В главе рассматривается состояние философского образовательного пространства и различные стратегии продвижения дисциплин – формальной и диалектической логики – их сторонниками. Показана разница в успешности стратегий. Сделан вывод

§1. Рецепция математической логики в СССР.

Для понимания устройства советской философской дисциплины и месте дискуссий о диалектической и формальной логике в ней необходимо остановиться на рецепции зарубежных трудов по математической логике. Может показаться, что данная часть настоящего исследования не имеет прямого отношения к философским дискуссиям, а относится, скорее, к области математики. Однако о важности рецепции математической логики в рамках философии говорит тот факт, что переводы работ Клини и Мендельсона использовались при преподавании общего курса логики и чтении специальных курсов на философском факультете. Одним из возможных вариантов для переведённой книги было помещение в отдел специального хранения с пометкой цензора: «для служебного пользования», «для научных библиотек», нумерацией экземпляров и, соответственно, ограниченным доступом только для специалистов. О мнимой или действительной ограниченности доступа философов к книгам «для служебного пользования» сложно судить, поскольку доступность книг разнилась от институции к институции, подчас была завязана на личных контактах работников учреждений[9], а специального исследования на эту тему не существует.

[9] С. Мареев в интервью автору (28 ноября 2017 г.) сообщил, что мог брать любые книги из спецхрана Института Маркса – Энгельса – Ленина, когда он там работал в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Это один из многих подобных примеров. Между тем есть и обратные примеры: так, Б. Юдин сообщил автору в интервью 6 октября 2016 г., что в Библиотеке имени В. И. Ленина сотрудницы отказались выдавать ему литературу по философии (которая даже не относилась к литературе ограниченного доступа), мотивируя

Рецепция на уровне философского образования не может происходить без рецепции на исследовательском уровне. В первую очередь обращают на себя внимание два обстоятельства публикаций. Во-первых, переводы за несколькими исключениями выходили очень быстро. Во-вторых, ключевой фигурой в подготовке изданий была С. Яновская: она выступала как инициатор переводов, редактор и автор сопроводительных текстов[10].

О том, насколько тщательно специалисты по математической логике и, в первую очередь, Яновская следили за новыми книгами, свидетельствует скорость, с какой они выходили в свет на русском языке. В 1943 году была переведена книга Серрюса, «Опыт исследования значения логики» 1939 года. Асмус написал к ней предисловие, вступительную статью и комментарии. «Основы теоретической логики» Гильберта и Аккермана под редакцией Яновской и с её вступительной статьёй вышли через год после выпуска второго улучшенного издания на немецком – в 1947 году. В 1948 году опять же под редакцией и с предисловием Яновской вышло «Введение в логику и методологию дедуктивных наук» Тарского, перевод был выполнен с английского издания 1941 года.

В 1950-е переводы выходили так же интенсивно и быстро. В 1957 году на русском вышли две ключевые работы: «Математика и правдоподобные рассуждения» Пойя 1954 года и «Введение в метаматематику» Клини 1952 года под редакцией Яновской. «Значение и необходимость» Карнапа выходит в СССР в 1959 году с грифом «для научных библиотек», через три года после опубликования труда на языке оригинала. Перевод был выполнен Н. Воробьёвым, участником рассматриваемых философских дискуссий. Редактором выступил Д. Бочвар, а Яновская написала предисловие. В этом же году переводе Н. Стяжкина и А. Субботина выходит «Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной

это тем, что у него нет базового философского образования. На тот момент Юдин был кандидатом философских наук.

[10] Я опускаю некоторые имена переводчиков, авторов предисловий, вступительных статей, комментариев в том случае, если они не являются значимыми для исследования философского поля (например, оставались исключительно в области математики и не пересекали дисциплинарных границ).

формальной логики» Лукасевича, через два года после выхода оригинала. Первое русское издание, в котором участвовали в разном качестве И. Добронравов, Д. Лахути, В. Асмус, В. Финн и А. Кузнецов, вышло в 1958 году после второго английского перевода «Трактата».

Среди исключений в ряду быстрых переводов нужно отметить «Основания математики» Д. Гильберта и А. Бернайса, впервые опубликованные в 1930-е на языке оригинала, а в 1979 и 1982 годах – на русском языке. Меньше всего повезло «Основаниям арифметики» Г. Фреге. Как сообщает Бирюков, перевод классического труда мог выйти ещё в конце 1950-х, когда Яновская договорилась с издательством. Бирюков изначально должен был выступить как переводчик, но из-за того, что он не смог этого сделать, работа Фреге была исключена из планов издательства [82, с. 5]. В конце 1950-х годов планировался перевод книги Аккермана “Solvable Cases of the Decision Problem” 1954 года, редактором и автором предисловия к которому должна была быть Яновская, однако книга не была издана [16, с. 225]. Среди более поздних переводов – «Введение в математическую логику» А. Чёрча, вышедшее в 1960 году, в то время как оригинал появился в 1956 году. Одноимённая работа Мендельсона 1963 года была опубликована на русском в 1971 году.

Как уже было сказано, русские издания Тарского, Гильберта и Аккермана подверглись критике в 1950-ом году со стороны В. Тугаринова и Л. Майстрова. Соавторы статьи в «Вопросах философии» обвинили в идеализме как авторов переводимых книг (что ещё может иметь какое-то оправдание), так и участников перевода на русский язык (что уже является безосновательным, по крайней мере, в отношении Яновской, но опасным обвинением). Сам текст изобилует трескучей руганью, где авторы порой противоречат сами себе. Недоумение вызывают тезисы вроде следующего: «Реакционные философские взгляды основоположников буржуазной математической логики извратили содержание этой дисциплины» [80, с. 332]. Об одноместном исчислении предикатов, о котором Яновская

пишет в комментариях к «Основам теоретической логики», авторы высказываются следующим образом: «Всякий смертный, не одурманенный формализмом, видит, что эти упражнения ничего не дают логике, ведут к алогизму, к бессмыслице» [80, с. 338]. Авторы статьи на нескольких страницах оспаривают почти все общепринятые правила современной классической логики и в довершении всего обвиняют Тарского в том, что он не упомянул заслуг русских и советских учёных-логиков [80, с. 336]. Это замечание объясняется националистическим поворотом позднего сталинизма.

Яновская была вынуждена оправдываться. В опубликованном «Письме в редакцию» она даже отрицала научное значение работы Тарского, соглашаться с тем, что буржуазные логики-идеалисты стремятся подменить логику как науку о мышлении математической логикой, которая имеет только вспомогательное значение [88, с. 340]. По законам жанра личного «покаяния» для Яновской было недостаточно, но необходимо продемонстрировать верность партийным идеалам через собственную критику «буржуазного идеализма». Яновская так прокомментировала цитату из введения к «Логическому синтаксису языка» Карнапа: «подобные установки в логике служат целям мракобесия и реакции, что „просторный океан“ возможностей – это средство беспрепятственно уничтожать науку, не считаясь с требованиями истины в логике» [87, с. 341]. Этот выпад следует сравнить с тем, что Яновская несколькими годами позже написала в предисловии к переводу «Значения и необходимости» Карнапа. К критике «субъективного идеализма» у Карнапа Яновская переходит только после обстоятельного разбора его идей, отмечая среди них особенно полезные для «советского читателя»[11], а также материалистические тенденции его работы при недопустимом безразличии к основному вопросу философии, которое декларирует Карнап.

[11] Поскольку книга не поступила в свободную продажу, потенциальными читателями могли быть только сотрудники научных и учебных учреждений.

Требует объяснения следующий фрагмент из предисловия: «Вообще на вопрос о соотношении принципа конкретности истины с отображаемой при его помощи материальной действительностью… *даст ответ диалектическая логика* (курсив мой. – *М. М.*)» [42, с. 18]. Жанр критики буржуазной философии предполагал, с одной стороны, подобные замечания, чаще всего – подкреплённые ссылками на произведения классиков марксизма-ленинизма, причём работы Ленина для этих целей были более необходимы, чем работы Маркса[12]. В самом утверждении Яновской примечательно упоминание именно диалектической логики, а не диалектического материализма, само понятие которого не вызывало дискуссий, в отличие от понятия диалектической логики. В контексте текущей дискуссии это упоминание может быть, с одной стороны, знаком уважения. С другой стороны, о диалектической логике говорилось в будущем времени, из чего можно сделать вывод, что относительно заданного вопроса, по мнению Яновской, у диалектической логики нет ответа. В этом случае можно говорить о полемическом приёме автора, указании на недостатки стороны соперника – отсутствие научных результатов.

Несмотря на то, что Яновской и её коллегам приходилось постоянно оговариваться насчёт использования «буржуазной» литературы, необходимости её перевода и теоретической значимости, в конечном итоге поток новых изданий, комментариев и теоретических споров даже с враждебно настроенными оппонентами оказался преимуществом математических логиков. Ничего подобного диалектические логики не смогли представить в философском поле. А рецепция западных наработок математической логики активно велась на философском факультете МГУ среди формальных логиков: это обеспечивалось большей их технической подготовленностью. Трансляция этих исследований в образовательном

[12] Отсутствие ссылок на Ленина при цитировании, скажем, только Маркса будет уже стратегией философствования с «фигой в кармане», что описано в многочисленных мемуарах.

пространстве стала одним из факторов успеха воспроизводства именно формальнологической точки зрения в советской философии на протяжении последующих десятилетий.

§2. Э. Ильенков и М. Розенталь о воспроизводстве специалистов по диалектической логике.

Нельзя сказать, что диалектические логики не были озабочены проблемой философского воспроизводства. Главной кузницей философских кадров по всем специальностям был философский факультет МГУ. Парадоксальным образом воспроизводство диалектических логиков не было столь успешным, как у логиков формальных. Заведующие кафедрой логики – сначала Черкесов (1949-1957), потом Алексеев (1958-1965) – и исполняющий обязанности декана в 1949 году Мальцев не смогли укрепить собственную дисциплину в советском философском пространстве, находясь, казалось бы, на самых выгодных для этого должностях. Черкесов, Алексеев и Мальцев в середине 1960-х годов предприняли неудачную попытку создать кафедру диалектической логики. После выхода соответствующего приказа [67, л. 61] процесс запуска кафедры был заторможен ректором МГУ И. Петровским, математиком, которого убедили логики с философского факультета [49, с. 308].

Другие диалектические логики, оторванные от образовательного процесса, могли лишь пытаться влиять на ситуацию лишь косвенным образом. Среди диалектических логиков, озабоченных необходимостью подготовки молодых специалистов по диалектической логике, были Э. Ильенков и М. Розенталь.

Ильенков, в середине 1950-х годов – молодой специалист, постоянно высказывался по ключевым вопросам дискуссии. Так, во второй половине 1950-х годов Ильенков публикует четыре своих текста в главном (но уже не единственном) философском журнале «Вопросы философии». Все они, включая две рецензии, проникнуты одним пафосом обоснования проекта диалектической логики.

В 1955 году вышла статья Ильенкова, которая в сжатом виде представляет собой результаты его диссертационного исследования[13]. Первые строки текста – это скрытая цитата из Ленина о конкретности истины: «Известно… что истина всегда конкретна» [32, с. 42]. Ильенков продолжает ссылкой на „Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie“ Маркса. Конкретность, по Ильенкову, – объяснение развития предмета через его внутренние противоречия [32, с. 49], «единство многообразного», «отражение внутренней взаимосвязи исследуемого объекта», в чём заключается отличие «диалектико-материалистической логики» от «старой логики» [32, с. 42]. В статье Ильенков много говорит о том, какой должна быть диалектическая логика и в чём отличие её марксистской версии от гегелевской. Среди отличий перед формальной логикой – рассмотрение содержания, а не «пустых форм» [32, с. 48].

Статья Ильенкова 1957 года помечена редакторским примечанием: «печатается в порядке обсуждения» [31, с. 63]. Ильенков на примере антиномии закона стоимости и закона средней нормы прибыли из «Капитала» Маркса показывает, каким образом объективно существующее противоречие может быть адекватно отражено в мышлении с использованием закона о совпадении противоположностей. Это можно назвать удачным примером того, как работает диалектическая логика и каким образом она рассматривает противоречия.

О глубоком беспокойстве Ильенкова будущим диалектической логики в советской философии свидетельствует его текст, выходящий за хронологические рамки исследования. Это письмо Ильенкова в ЦК КПСС, которое датируется второй половиной 1960-х годов. Ильенков пишет, что обеспокоен положением в подготовке специалистов по диалектике: по его словам, в секторе диалектического материализма ИФ АН СССР не происходило пополнение за счёт молодых кадров, потому что не было не

[13] Статья была переведена в Италии в том же году и заинтересовала итальянских марксистских философов: [33, с. 3].

только профессионально подготовленных выпускников философского факультета МГУ, но и «даже просто желающего работать в области материалистической диалектики» [84, с. 383]. Ильенкова не устраивает нацеленность исследований не на разработку собственно диалектической логики, а на «диалектико-материалистическое усвоение достижений современной логики» [84, с. 386], а именно – математической логики. Он дал мрачное пророчество, что при сохранении тенденции в СССР не останется философов, занимающихся философией в духе марксизма-ленинизма [84, с. 386].

Для понимания обеспокоенности диалектических логиков проблемами воспроизводства важна фигура Розенталя, поскольку он состоял в редакции «Вопросов философии» и был соавтором передовых статей. В них он высказывался в защиту диалектической логики. Розенталь, как и Ильенков, был озабочен проблемой воспроизводства специалистов по диалектической логике. Он прямо говорил об этом в своих публикациях: «В течение длительного времени философы в своей работе плохо использовали важнейшие программные указания Ленина о дальнейшем развитии марксистской философии, особенно о разработке марксистской теории познания и *диалектической логики* (курсив мой. – *М. М.*)» [75, с. 14]. Для Розенталя проект диалектической логики был крайне значим, о чём свидетельствует следующая цитата: «Ленин ставит задачу всестороннего исследования материалистической диалектики как *науки*, как *теории*, разработки марксистской системы диалектической логики» [75, с. 15-16]. Примечательно, что в самом тексте «Философских тетрадей» термин «диалектическая логика» не встречается, как не встречается он и в предметном указателе. Нельзя сказать, что Розенталь приписывает Ленину желание разрабатывать диалектическую логику: интерпретация ленинских конспектов Розенталем текстологически корректна, а сам термин Ленин в принципе использует. Важно, что Розенталь именует предмет интереса Ленина диалектической логикой. Впрочем, ещё в 1930-е годы Розенталь,

занимавшийся диалектикой, не говорил об этом именно как о диалектической логике. Вместо этого он может говорить, например, о «пути диалектического познания» [73, с. 41].

Для Розенталя характерен приём, к которому так же часто прибегал Ильенков[14]: соединять в одном тексте высказывание в легитимном жанре «критики современной буржуазной философии» и полемические выпады против своих оппонентов в идущих дискуссиях. Так, Розенталь критиковал формальных логиков за то, что они не могут выразить реально существующие противоречия: «в угоду форме мысли, суждения, ограниченной узкими рамками формальной логики, приносится в жертву реальная действительность» [74, с. 21].

Розенталь, как и Ильенков, не имел прямого доступа к трансляции собственных идей через образовательный канал. Однако Розенталь как заместитель главного редактора «Вопросов философии» мог если не определять редакционную политику журнала, то существенно на неё влиять. Так, в анонимной передовой статье, начинающейся с отсылки к недавнему XX съезду КПСС, можно найти строки, которые, скорее всего, принадлежат Розенталю. «В центр внимания все больше выдвигаются задачи разработки диалектики, диалектической логики в соответствии с указаниями Ленина,» [28, с. 3] – использование самого термина «диалектическая логика» заставляет предположить авторство Розенталя. В тексте также приводится критика позитивизма и отрицание пользы диалектического материализма в естественно-научных исследованиях [28, с. 5-6], что является общим местом для легитимного поля философствования в СССР. И всё же можно предположить, что этот пункт был внесён Розенталем. Некоторые абзацы из другой передовой можно приписать Розенталю почти безошибочно. Они проникнуты пафосом тревоги по поводу недостаточного, с точки зрения автора, внимания к

[14] На это приёме построена «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма»: пусть Ильенков и называл своих оппонентов по имени, большинство его выпадов были косвенными. Когда Ильенков критиковал махистов и неопозитивистов, он критиковал своих советских коллег – И. Нарского, Д. Дубровского. См., например: [34, с. 41, 123].

проблемам диалектической логики. Приводятся характерные для диалектических логиков обвинения: «за последние годы целая группа наших логиков, занимаясь вопросами элементарной логики, ничего, в сущности говоря, не сделала в области разработки вопросов диалектической логики, утверждая, что-де никакой диалектической логики нет, что есть одна единственная логика» [22, с. 7] – и призывы покончить со сложившимся положением дел.

И всё-таки нельзя сказать, что поражение диалектических логиков в образовательном пространстве не было абсолютным. Нынешний декан философского факультета МГУ В. Миронов сообщил в интервью автору, что он как студент в 1970-е годы изучал диалектическую логику именно по работам Ильенкова, которые находились в списке рекомендованной литературы [37]. Есть по крайней мере один случай, когда среди рекомендованных к изучению текстов были работы ученика Ильенкова С. Мареева [56, с. 26, 34, 52, 84, 85][15].

§3. Диссертационные исследования по формальной и диалектической логике.

Рассмотрение философии как пространства карьер невозможно без обращения к темам защищённых диссертаций. В приложении приведён список защищённых в СССР диссертаций по логической тематике с 1950 по 1959 год. Сравнение количества диссертаций по формальной и по диалектической логике, защищённых в 1950-е, показывает, что молодые специалисты гораздо охотнее специализировались по формальной логике, чем диалектической. Иногда по названию сложно оценить, к какому дисциплинарному разделу следует отнести ту или иную работу. Вероятно, формальная логика виделась выпускникам философских факультетов более перспективной, чем диалектическая логика. Принципиальное структурное

[15] Брошюра помечена грифом «для служебного пользования».

изменение, которое объясняет преобладание формальной логики, – увеличение мест в аспирантуре для написания диссертаций по логике.

Примечателен тот факт, что значительное количество диссертаций по логике в этот период было защищено женщинами – 15 % от всего объёма работ (26 из 171 работы). Среди диссертаций, защищённых женщинами, преобладают работы по формальной логике и истории логики. Почти все работы были защищены в Москве или Ленинграде, а из закавказских научных центров (Баку, Ереван, Тбилиси) представлена только столица Грузинской ССР, хотя в этих городах проходило сравнительно много защит диссертаций. Среднеазиатские научные центры (Ташкент, Алма-Ата) не представлены вовсе, среди европейских – только Минск. Не удалось атрибутировать одну диссертацию, защищённую женщиной, к какому-либо городу. Неполнота данных не позволяет однозначно утверждать, что в этих городах не проходили защиты диссертаций, авторами которых были женщины.

Такое положение дел контрастирует с диалектическим материализмом, центральной философской дисциплиной. Наиболее вероятное объяснение этого основывается на том факте, что, хотя преподавание логики велось как в школах, техникумах, училищах, так и в учреждениях высшего образования, положение логики как дисциплины было, скорее, шатким, чем надёжным: непрекращающаяся критика имеющихся школьных учебников по логике, нехватка квалифицированных кадров, отсутствие однозначно верной, официальной позиции по соотношению формальной логики и диалектики, о предмете этих философских дисциплин, наконец, звучащие сомнения в целесообразности самого проекта[16] – всё это ставило под вопрос карьерные перспективы выпускников и выпускниц кафедры логики. Несмотря на то, что формальная логика требовала нетривиальной

[16] Ещё в 1947-1948 гг. результатом министерской проверки кафедр и отделений логики стало осуждение «формализма» и «беспартийности». Подробнее см.: [18, с. 79-87].

технической компетентности, в иерархии дисциплин она занимала одну из низших позиций.

Другое объяснение, почему среди женщин было сравнительно много специализировавшихся на логике, заключается в том, что выпускники кафедры логики с меньшей вероятностью могли рассчитывать на высшие административные посты в философских институциях. Эти должности предназначались, для специалистов по историческому и диалектическому материализму: директорами ИФ АН СССР, как и деканами философского факультета МГУ – ведущих философских институций – были специалисты именно по этим двум центральным философским дисциплинам. Аналогичным образом дело обстояло в других институциях, включая редакции философских журналов. Все руководящие философские посты занимали мужчины[17].

Такое положение дел контрастирует с диалектическим материализмом, центральной философской дисциплиной, где процент работ и занимаемых женщинами мест значительно меньше. Наиболее вероятное объяснение основывается на том факте, что, хотя преподавание логики велось как в школах, техникумах, училищах, так и в учреждениях высшего образования, положение логики как дисциплины было, скорее, шатким, чем надёжным: непрекращающаяся критика имеющихся школьных учебников по логике, нехватка квалифицированных кадров, отсутствие однозначно верной, официальной позиции по соотношению формальной логики и диалектики, о предмете этих философских дисциплин, наконец, звучащие сомнения в целесообразности самого проекта – всё это ставило под вопрос карьерные перспективы выпускников и выпускниц кафедры логики. В подтверждении этого можно привести письмо В. Богуславского и П. Таванца в редакцию «Вопросов философии», в котором они выражают обеспокоенность

[17] Впрочем, дело обстоит так до сих пор: среди директоров Института философии, деканов философского факультета МГУ, редакторов журнала «Вопросы философии» нет ни одной женщины.

планами министерства просвещения исключить преподавание логики из школьной программы, куда она вошла только в 1947 году [20, с. 220].

Несмотря на то, что формальная логика требовала нетривиальной технической компетентности, в иерархии дисциплин она занимала одну из низших позиций. Диалектический материализм, напротив, считался, несомненно, более устойчивой и респектабельной дисциплиной с уже сложившимися стандартами и требованиями и обещал более высокие шансы на хорошую научную или административную карьеру. Выпускники кафедры логики с меньшей вероятностью могли рассчитывать на высшие административные посты в философских институциях. Эти должности предназначались, для специалистов по историческому и диалектическому материализму: директорами ИФ АН СССР, как и деканами философского факультета МГУ – ведущих философских институций – были специалисты именно по этим двум центральным философским дисциплинам. Аналогичным образом дело обстояло в других институциях, включая редакции философских журналов.

Чтобы лучше понять институциональные механизмы, по которым можно судить об успехе или неуспехе философской дисциплины, необходимо обратиться к биографиям философов, занимавшимся диалектической логикой и сменившим свою специализацию. В качестве примеров будут рассмотрены биографии М. Алексеева и С. Мареева, начавших с формальной логики и перешедших в диалектическую; А. Зиновьева, который ушёл из диалектической логики в формальную; и В. Межуева, который начинал свою профессиональную деятельность в русле диалектической логики, но был вынужден сменить специализацию, чтобы остаться в профессии.

Фигура Зиновьева интересна как пример «перебежчика» из диалектической логики в формальную. Он, как и Ильенков, публиковался в «Вопросах философии», будучи молодым специалистом. Диссертация Зиновьева написана на ту же тему, что и диссертация Ильенкова, –

методология «Капитала» Маркса. Зиновьев защитил диссертацию «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале „Капитала“ К. Маркса) в 1954 году, почти одновременно с Ильенковым. В диссертационном исследовании Зиновьева есть приложение, посвящённое формальной логике. Зиновьев обращает внимание на противоречие в одном и том же отношении, которое заключается в следующем: в буржуазном обществе товары продаются и по стоимости, и не по стоимости. Формальная логика, как пишет Зиновьев, может только констатировать это противоречие и отбросить как ложное [29, с. 317-318]. Зиновьев заключает, что противоречие разрешается методом восхождения от абстрактного к конкретному путём установления того, от чего зависит норма прибыли у капиталиста [29, с. 319]. Если судить по библиографии, интерес Зиновьева к формальной логике (математической логике, теории логического следования, многозначной логике), очень скоро стал определяющим в его профессиональной траектории. В конце 1950-х – начале 1960-х годов Зиновьев вёл семинары в МФТИ [5, с. 120], где его знания в области логики и математики были наиболее востребованы среди студентов.

Другой пример молодого специалиста по диалектической логике в 1950-е годы – это В. Межуев. Он опубликовал статью в «Вопросах философии» после которой, по его свидетельству, был исключён из профессии на целых семь лет. Как сам Межуев сообщает в интервью, статья была написана по результатам дипломного исследования:

> «– Три человека было на защите обычно, а оппонентом – наверное, эту фамилию вы уже не знаете – был такой Евгений Ситковский[18]… Он был довольно известным. Сидел. Был тогда членом редколлегии журнала «Вопросы философии». И он сказал: «Вадим, очень хорошая работа, давайте, делайте статью в “Вопросы философии”». Я даже своим глазам не поверил. Он сказал: «Сделай». И я сделал. Сам

[18] Е. Ситковский – специалист по диалектическому материализму и истории философии. Выпускник Института красной профессуры (1933), профессор (1935). Репрессирован (1943), реабилитирован. Работал в журналах «Вопросы философии» и «Проблемы мира и социализма», Академии общественных наук при ЦК КПСС. Член редколлегии «Философской энциклопедии».

диплом был 250 страниц… И я сделал статью под названием «Основные принципы критики Гегелем формальной логики»[19]. Вы не представляете, что значит в 1957 году опубликоваться в «Вопросах философии». Это был единственный философский журнал на всю страну, и там печатались просто совершенно конкретные фамилии. Попасть туда было немыслимо. А тут студент закончил и публикует диплом. Это моя первая публикация. Её перевели на три языка, и она попала в справочники литературы по Гегелю. Сейчас, конечно, она мне кажется немножечко наивной. Но всё-таки мне 21 год, мне завидуют все, весь факультет! Парня напечатали в «Вопросах философии». Я получил дикий гонорар. У меня отродясь таких денег не было.

– А сколько этот гонорар?

– Что-то около пяти тысяч рублей.

– Ничего себе.

– Я купил себе первый костюм *(смеётся)*. К чему я это рассказываю. С этой статьёй меня семь лет не принимали в аспирантуру. Я с Нелей (Мотрошиловой. – *М. М.*) поступал. Потом я узнал почему. Я сдавал на пятёрки, и потом я узнал, что, куда бы я ни поступал, за мной шла записка Молодцова[20], декана в то время философского факультета: «Не брать». Я работал во всяких журналах, сначала в издательстве МГУ… И так я уже занялся театром. Я же один из основоположников студенческого театра МГУ… И через семь лет – а я уже решил, что, значит, всё, на этом вся моя философская карьера кончается – мой друг приходит и говорит: «Знаешь, открылся сектор в Институте философии, тебя возьмут, только напиши какой-нибудь реферат». Я спросил, как называется сектор. На что он ответил мне: «Сектор

[19] Статья «Основные принципы гегелевской критики формальной логики» была напечатана в «Вопросах философии» № 1 за 1957 г.

[20] В. Молодцов – специалист по диалектическому материализму. Выпускник МГУ (1927) и Института красной профессуры (1937). Работал в Высшей партийной школе, журналах «Вопросы философии» и «Вестник Московского университета». Декан философского факультета МГУ (1952-1968).

культуры». Я спрашиваю его: «Что это такое?» А он мне: «Какая тебе разница? Место есть». Так я стал культурологом *(смеётся)*. Ну, это чтобы показать, как всё начиналось» [35].

Сложно найти примеры таких головокружительных карьерных стартов, как первая публикация Межуева. Не до конца ясно, как она могла состояться, ведь Ситковский не состоял в редакции журнала. Возможно, он попросил Розенталя, заместителя главного редактора, одобрить статью. Они были коллегами по Институту философии. Членом редколлегии был и Молодцов, который сыграл такую печальную роль в судьбе Межуева. Не исключено, что Молодцов был против публикации текста Межуева – студента круга Ильенкова, также пострадавшего от Молодцова: Ильенков уволился с философского факультета из-за обвинений в «гносеологизме». В это же время, в 1954-1955 годах Молодцов, как пишет С. Корсаков, предпринял удачную попытку скомпрометировать Зиновия Белецкого, чтобы он был вынужден уйти из МГУ. Белецкий вызывал недовольство преподавателей философского факультета из-за его письма Сталину по поводу третьего тома «Истории философии» и книги Г. Александрова «История западноевропейской философии». Таким компроматом стали «гносеологические» высказывания Белецкого на симпозиуме о предмете философии в МГУ в 1955 году [45, с. 111-112]. Нельзя не принимать во внимание следующий факт: «Историческим курьезом оказалось то, что удаление в 1955 г. с факультета Белецкого и его сторонников совпало с изгнанием из числа преподавателей Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова за их известные «тезисы». Белецкианцы и ильенковцы не имели между собою ничего общего. Но и те и другие были изгнаны из МГУ одновременно и с одной и той же формулировкой: по обвинению в гносеологизме» [45, с. 113]. Можно с уверенностью предположить, что Межуев, получив такую высокую оценку, настоящее признание со стороны коллег, продолжил бы заниматься темой диалектической логики, если бы не препятствия со стороны Молодцова.

Митрофан Алексеев, активный участник дискуссии, в 1950 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Суждение и предложение». Обозначенную тему можно рассматривать как с точки зрения формальной логики, так и с точки зрения диалектической. В автореферате диссертации не употребляется термин «диалектическая логика», хотя приводимый анализ сделан именно с диалектико-логических позиций. Так, Алексеев говорит о логических формах как о проявлениях содержания. Он критикует формальную логику и предлагает исходить из примата содержания над формой и диалектической перехода формы в содержание [8, с. 5]. Нельзя сказать в полном смысле слова, что Алексеев сменил специализацию с формальной логики на диалектическую. Но в то же время Алексеев мог перейти в формальную логику, не меняя темы, но частично изменив методы её исследования.

Наконец, С. Мареев совершил переход из формальной логики в диалектическую в 1960-е годы, когда был студентом. Как он сообщил в интервью автору [39], будучи студентом, он начал специализироваться на кафедре логики, где специализация начиналась раньше, чем на других кафедрах, то есть не с третьего, а со второго курса. Поскольку основные работы по формальной логике в то время выходили на немецком, английском и польском, Мареев посещал курсы польского языка. Можно усомниться в том, насколько рано он разочаровался в формальной логике и решил специализироваться по диалектической логике. Возможно, окончательный выбор был сделан во время написания диплома под научным руководством логика Г. Бочарова об апориях Зенона. По словам Мареева, Бочаров не понял замысел Мареева в исследовании апорий [39]. Это стало завершением обращения Мареева к диалектической логике.

Диалектическая логика не смогла противопоставить формальной логике в образовательном пространстве сопоставимую по успешности стратегию действий. Формальные логики не только вводили новые тексты западных специалистов по логике в отечественный научный оборот, но и

использовали их в учебных целях. Сам доступ к образовательным каналам оказался больше у формальных логиков. Диалектические логики не смогли закрепить свою дисциплину в университетском поле через создание кафедры, а некоторые специалисты не могли транслировать свои идеи напрямую, в работе со студентами.

Заключение.

Проведённое исследование подтвердило высказанные гипотезы полностью или частично. Гипотеза об аргументе от классового принципа подтвердилась отчасти. В скорректированном виде результатом исследования необходимо признать следующий тезис: диалектическая логика как дисциплина не могла войти в дискурс общечеловеческого не из-за радикальности трактовки классового принципа, невозможной после выхода статьи Сталина о языкознании. Когда формальная логика претендовала на общечеловеческое как внеклассовое, классовое диалектической логики, более революционное, чем нормализирующее, перестало соответствовать тем задачам, которые требовались от философии как от государственной науки. Действительно, после осуждения «марристских» ошибок позиционирование диалектической логики как классово правильной было невозможно, как и осуждение формальной логики как однозначно «буржуазной». В то же время использование формальными логиками аргумента об общечеловеческом характере логики нельзя назвать определяющим в их победе в дискуссии, если говорить о долгосрочной перспективе, и в последующем доминировании в философском пространстве.

Гипотеза о понятии «научно-технического прогресса» также подтвердилась частично. Математическая логика в самом деле оказалась востребованной в автоматизации. Но в рассмотренный отрезок времени – 1950-е годы – нет свидетельств широкого использования этого понятия в аргументации сторонников формальной логики. Государство было заинтересовано в подготовке специалистов, способных внести вклад в развитие техники, и такими специалистами были формальные логики. В конечном итоге апелляция к «научно-техническому прогрессу» и действительное участие специалистов по математической логике в тех процессах, которыми обозначалось понятие «научно-технического

прогресса», были одними из факторов, склонивших чашу весов на сторону формальной логики.

Если говорить о философском образовании, то предложенная гипотеза о более успешной стратегии формальных логиков подтвердилась полностью. Формальные логики открыли свою кафедру и смогли наладить воспроизводство специалистов. Важно, что преподавание формальной логики стало обязательным не только в вузах, но и в школах. Не последнюю роль сыграла активная переводческая работа, рецепция современных западных исследований по математической логике. Формальные логики воспользовались возможностью транслировать собственные идеи среди студентов и рекрутировать оттуда профессиональную смену. Диалектическим логикам не удалось открыть собственную кафедру и запустить воспроизводство. Некоторые из них не имели прямых контактов со студентами в рамках учебных курсов. На деле поражение диалектической логики на образовательной площадке предрешило исход борьбы в пользу формальной логики.

Диалектическая логика была более «сталинистской» или просталински ориентированной не более, чем формальная логика. Если в первой половине 1930-х партийно-государственный дискурс был на стороне диалектической логики, то в 1940-е внимание государства приковано к формальной логике, о чём говорит открытие кафедры логики в МГУ во время войны и введение логики в школьное преподавание практически сразу после окончания войны. Исход интеллектуального противостояния не был предрешён. В исторических обстоятельствах свои преимущества смогла реализовать формальная логика, а не диалектическая. Сегодня, говоря о логике, не нужно уточнять, имеется ли в виду «формальная» или «диалектическая».

Приложение.

Защищённые в СССР диссертации по диалектической логике и по формальной логике, 1950-1959 гг. (на материалах Российской государственной библиотеки и Архива МГУ)

Список сокращений:

АОН – Академия общественных наук при ЦК КПСС

ВПШ – Высшая партийная школа при ЦК КПСС

Докт. – доктор философских наук

ИПК – Институт повышения квалификации

Канд. – кандидат философских наук

Каф. диал. и ист. мат. – кафедра диалектического и исторического материализма

Каф. лог. – кафедра логики

КГУ – Киевский государственный университет

Л – Ленинград

ЛГУ – Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова

М – Москва

М ИФ – Институт философии Академии наук СССР

МГПИ – Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МГЭИ – Московский государственный экономический институт

МОПИ – Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской.

Тбилиси ИФ – Институт философии Грузинской ССР

ТГУ – Тбилисский государственный университет

Филос. фак. – философский факультет

Таблица 1.

Имя	Тема диссертации	Степень	Год защиты	Город, институция, кафедра
Нестеренко Георгий Яковлевич	Разработка проблемы содержания и формы в трудах классиков марксизма-ленинизма	канд.	1950	М
Бабаев Джалал Мансурович	Марксистско-ленинское учение об истине	канд.	1950	Ташкент
Корнилов Петр Матвеевич	Учение об истине в марксистско-ленинской логике	канд.	1950	М АОН
Алексеев Митрофан Николаевич	Суждение и предложение	канд.	1950	М МГУ
Киквадзе Натела Порфирьевна	Проблема связки в суждении	канд.	1950	Тбилиси
Майстрова Татьяна Львовна	Условные суждения	канд.	1950	М ИФ
Мещерякова Ираида Никитична	Теория умозаключений в работах русских логиков М. И. Каринского и Л. В. Рутковского	канд.	1950	М ИФ

Тузов Леонид Леонидович	Теория умозаключения М. И. Каринского и Л. В. Рутковского	канд.	1950	М АОН
Канторович Сусанна Григорьевна	Логика доказательства и опровержениия (логика критики)	канд.	1950	М ИФ
Макаров Вавила Трофимович	Классики марксизма-ленинизма о законах мышления	канд.	1950	М АОН
Демаев Дмитрий Иванович	Теория силлогистических умозаключений	канд.	1950	М ИФ
Виевский Андрей Федорович	Вопросы истины в работе В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"	канд.	1951	Киев
Гарбер Л.	Вопросы диалектического метода в работах В. И. Ленина 1914-1916 годов	канд.	1951	Ташкент
Иванов Сергей Галактионович	Учение классиков марксизма-ленинизма о скачках и его значение для мичуринской биологии	канд.	1951	Л ЛГУ

Бродский Иосиф Наумович	Отражение диалектики общего и отдельного в понятии и суждении	канд.	1951	Л ЛГУ каф. лог.
Гостев Федор Поликарпович	Классики марксизма-ленинизма о диалектической логике как теории познания диалектического материализма	канд.	1951	М ИФ
Даниленко Дмитрий Иванович	Роль практики в процессе образования понятий	канд.	1951	М ИФ
Мансуров Николай Сергеевич	Проблема мышления в свете учения И. П. Павлова	канд.	1951	М ИФ
Саная Константин Дмитриевич	К пониманию понятия в свете диалектического материализма	канд.	1951	Тбилиси ТГУ
Славнова Лидия Васильевна	В. И. Ленин и И. В. Сталин о роли научных понятий в познании	канд.	1951	М ИФ
Коэметс Энн Хендрикович	Реакционная сущность неокантианской логики	канд.	1951	Тарту

Веселовская Лариса Дмитриевна	Некоторые вопросы теории суждения	канд.	1951	М ИФ
Бегиашвили Арчила Федорович	Единство исторического и логического в первом томе "Капитала" Маркса	канд.	1952	М МОПИ
Квачахия Венори Михайлович	"К критике политической экономии" Маркса и проблемы логики	канд.	1952	Тбилиси ТГУ
Гагоидзе Вахтанг Алексеевич	Критика К. Марксом идеалистической диалектики Гегеля и формирование материалистического диалектического метода до 1848 года	канд.	1952	Тбилиси ИФ
Пилипенко Николай Варфоломеевич	Диалектический материализм о закономерности природы (Наука - враг случайностей)	канд.	1952	М АОН
Исаев Михаил Дмитриевич	Борьба между новым и старым - закон развития природы и общества	канд.	1952	Алма-Ата Казахстанский горно-металлургический институт

Калошин Федор Иванович	Диалектика содержания и формы	канд.	1952	М ВПШ
Федотов Василий Павлович	В. И. Ленин о некоторых особенностях процесса познания (по материалам "Философских тетрадей")	канд.	1952	Л ЛГУ
Квачахия Венори Михайлович	"К критике политической экономии" Маркса и проблемы логики	канд.	1952	Тбилиси ТГУ
Корнева Мария Никифоровна	Диалектическая природа основных логических форм	канд.	1952	М АОН
Ерзин Каюм Кадырович	Некоторые вопросы единства исторического и логического в трудах классиков марксизма-ленинизма	канд.	1952	М МГУ ИПК
Кебурия Давид Михайлович	Марксизм-ленинизм учение о конкретности понятий	канд.	1952	Тбилиси ТГУ
Ахмедов Мухитдин	Классики марксизма-ленинизма о законах и формах мышления	канд.	1952	Л ЛГУ

Корчагин Александр Афанасьевич	Суждение и предложение в свете сталинского учения о единстве языка и мышления	канд.	1952	М МГУ
Москаленко Федор Яковлевич	Учение об индуктивных выводах в истории русской логики	канд.	1952	М ИФ
Уридия Борис Юлонович	Теория классификации умозаключений Л. В. Рутковского	канд.	1952	Тбилиси ТГУ
Любимов Василий Васильевич	Вопросы доказательства в логике	канд.	1952	М ИФ
Вонсович Анатолий Иосифович	Марксова теория абстрагирования и обобщения, примененная в "Капитале" (т. 1, отд. 1 и 2)	канд.	1953	М МГУ филос. фак., каф. логики
Ильенков Эвальд Васильевич	Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса "К критике политической экономии"	канд.	1953	М МГУ

Шумский Давид Григорьевич	Закон единства и борьбы противоположностей в первом томе "Капитала" К. Маркса	канд.	1953	М МГУ
Суворов Лев Николаевич	Борьба В. И. Ленина с софистикой и эклектикой оппортунизма II Интернационала за боевую материалистическую диалектику (1914-1918 годы)	канд.	1953	М МГУ
Голубенко Валентина Павловна	Марксизма-ленинизм о закономерностях перехода от старого качества к новому качеству в общественном развитии	канд.	1953	М ИФ
Изуткин Анатолий Максимович	О количественных и качественных изменениях в развитии общества	канд.	1953	Горький
Дудников Иван Ефимович	Эволюция и революция, их диалектическое взаимоотношение	канд.	1953	М МОПИ

Шляхтенко Сергей Григорьевич	Об особенностях скачков в развитии социалистических производственных отношений	канд.	1953	Л ЛГУ
Гугушвили Джуаншер Владимирович	Марксизм-ленинизм учение о единстве и борьбе противоположностей	канд.	1953	М МОПИ
Шумский Давид Григорьевич	Закон единства и борьбы противоположностей в первом томе "Капитала" К. Маркса	канд.	1953	М МГУ
Квижинадзе Реваз Евгеньевич	О марксистско-ленинском понимании истины	канд.	1953	Тбилиси
Седов Борис Михайлович	Марксизм-ленинизм учение об истине	канд.	1953	М
Сухов Григорий Степанович	О конкретности истины		1953	Харьков
Мартиросян Гюлаб Арамович	О роли абстрактного мышления в процессе познания	канд.	1953	М МОПИ
Субботин Александр Леонидович	Природа абстракции и общественная практика (анализ видов научной	канд.	1953	М МГУ каф. лог.

	абстракции)			
Цоцонава Борис Сергеевич	Некоторые вопросы марксизма-ленинизма учения о понятии	канд.	1953	М МГПИ
Александрова София Ефимовна	Прагматизм в логике и его реакционная сущность	канд.	1953	Л ЛГУ
Лысенко Николай Федорович	Природа логических форм в свете труда В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"	канд.	1953	М АОН
Джибути Георгий Афрасионович	Некоторые вопросы теории и классификации суждения	канд.	1953	Тбилиси ТГУ
Кошевой Константин Кузьмич	Единство суждения и предложения в процессе познания	канд.	1953	Молотов
Садыхов Гадамшах Мешади Гусейн оглы	Учение о суждении	канд.	1953	Баку
Зозуля Александр Михайлович	Об отношении между доказательствами и умозаключениями в свете трудов	канд.	1953	М МГУ ИПК

	классиков марксизма-ленинизма			
Ахундов Мирза Ага Абдул Гусейн оглы	Виды доказательств	канд.	1953	Баку
Гелашвили Антон Алексеевич	К вопросу о законах мышления	канд.	1953	Тбилиси ТГУ
Дзядик Леонид Кириллович	Объективный характер логического закона противоречия	канд.	1953	М
Лежебоков Петр Александрович	Логический закон противоречия	канд.	1953	М МГУ каф. лог.
Дмитриева М. С.	Вопросы классификации выводов в трудах русских логиков XIX века	канд.	1953	М МГУ каф. лог.
Тевосян А. М.	Образование понятия как проблема логики	канд.	1953	М МГУ каф. лог.
Бачулашвили Гавриил Димитриевич	К вопросу о взаимоотношении логического и исторического по "Капиталу" К. Маркса	канд.	1954	Тбилиси
Джолохава Грамитон Николаевич	Категории сущности и явления по "Капиталу"	канд.	1954	Тбилиси ТГУ

	К. Маркса			
Зотов Василий Иванович	Борьба В. И. Ленина с софистикой и эклектикой оппортунизма II Интернационала за материалистическую диалектику в годы первой мировой войны (1914-1918 гг.)	канд.	1954	Л ЛГУ
Анисимов Сергей Федорович	Объективная закономерность и законы науки	канд.	1954	М МОПИ
Торопков Афанасий Андреевич	Марксистско-ленинское учение о переходе количественных изменений в коренные, качественные изменения в развитии природы и общества	канд.	1954	Баку
Алиев Мурсал Гейдар оглы	Марксизм-ленинизм о характере скачков при переходе от старого качества к новому	канд.	1954	Баку

Ковальчук Андрей Сергеевич	Особенности перехода от старого качества к новому в условиях советского общества	канд.	1954	М АОН
Крысин Петр Фролович	Марксизм-ленинизм об эволюции и революции как двух формах развития	канд.	1954	М МГУ каф. диал. и ист. мат.
Гончарук Сергей Иванович	Об особенностях борьбы нового со старым в условиях советского социалистического общества	канд.	1954	М АОН
Савельев Сергей Григорьевич	Диалектический материализм о поступательном движении в природе и обществе	канд.	1954	Л ЛГУ
Мачитадзе Георгий В.	Диалектика формы и содержания	канд.	1954	Тбилиси ТГУ
Мустафаев Ахтем Муждабаевич	Марксизм-ленинизм о диалектике формы и содержания	канд.	1954	Андижан
Жданов Дмитрий Александрович	Об истинности и правильности мышления	канд.	1954	Киев КГУ
Богданов	О конкретности	канд.	1954	М МОПИ

Георгий Никанорович	истины и путях истинного познания			
Мартиросов Гурген Амирханович	Марксистско-ленинское учение о конкретности истины и его значение для практической деятельности Коммунистической партии	канд.	1954	Л ЛГУ
Юсупов Эркин	Логические законы и формы мышления в свете диалектического материализма	канд.	1954	М МОПИ
Зиновьев Александр Александрович	Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса)	канд.	1954	М МГУ
Райкова Дина Дмитриевна	Понятие в свете теории отражения	канд.	1954	М МОПИ
Дроздов Александр Васильевич	Вопросы классификации суждений	канд.	1954	Л ЛГУ
Кардаш Алексей Дмитриевич	Суждение и предложение	канд.	1954	Киев КГУ

Кириллова Валентина Андреевна	Суждение и предложение (односоставные предложения и одночленные суждения)	канд.	1954	М МГУ каф. лог.
Нестерова (Козловцева) Нинель Петровна	Проблема модальности суждений	канд.	1954	М МГУ
Прокошина Е. С.	Суждение в свете ленинской теории отражения	канд.	1954	Минск
Таванец Пётр Васильевич	Вопросы теории суждения	докт.	1954	М ИФ
Чесноков Петр Вениаминович	Суждение, логическая фраза и предложение в свете м-л учения о единстве языка и мышления	канд.	1954	Ростов-на-Дону
Самедов Али Бала Акад оглы	Некоторые вопросы теории умозаключений в трудах русских логиков	канд.	1954	Баку
Свинцов Виталий Иванович	Доказательство, его место и роль в процессе познания	канд.	1954	М МГПИ

Смирнов Лев Арсеньевич	О месте и роли доказательства в процессе познания	канд.	1954	Калинин
Шейко Александр Николаевич	Строение и правила доказательства	канд.	1954	
Болтаев Мухамед	Закон достаточного основания		1954	М МГУ каф. лог.
Кукшанов Владлен Васильевич	Значение определенности мышления в познании и практической деятельности людей	канд.	1954	Свердловск
Воловик Любовь Анисимовна	Разработка В. И. Лениным проблемы конкретности истины (по материалам "Философских тетрадей")	канд.	1955	М АОН
Краснов Владимир Моисеевич	Значение марксистского диалектического метода для практической деятельности партии пролетариата (на опыте политики КПСС по	канд.	1955	М МГПИ

	крестьянскому вопросу)			
Пузиков Петр Дмитриевич	Многообразие форм перехода от старого качества к новому	канд.	1955	М АОН
Карабанов Николай Васильевич	Марксизм-ленинизм об антагонистических и неантагонистических противоречиях	канд.	1955	М ИФ
Коваленко Николай Григорьевич	Некоторые вопросы диалектико-материалистического учения о движении, изменении, развитии	канд.	1955	М МОПИ
Тугов Юрий Михайлович	Диалектический материализм о жизни как форме движения белковых тел	канд.	1955	М АОН
Артюхин Николай Егорович	Диалектика содержания и формы	канд.	1955	М АОН
Бадяй В. А.	Диалектика содержания и формы	канд.	1955	Минск
Украинцев Борис Сергеевич	Диалектика содержания и формы	канд.	1955	М АОН
Лысунец Корней Павлович	Некоторые вопросы марксистско-ленинской теории	канд.	1955	Киев КГУ

	познания			
Шумилин Аркадий Тихонович	Диалектический путь познания объективной действительности	канд.	1955	Ростов-на-Дону
Бандзеладзе Гела Доментьевич	К вопросу о соотношении диалектики и логики	канд.	1955	Тбилиси ТГУ
Мальцев Василий Иванович	Диалектический материализм и вопросы логики	докт.	1955	М МГУ
Хайруллаев М. М.	Диалектический материализм об объктивном характере развития законов логики	канд.	1955	Ташкент
Церетели Савва Бенедиктович	О диалектической природе логической связи	докт.	1955	Тбилиси
Морковников Сергей Михайлович	Историческое и логическое в процессе познания общественных явлений	канд.	1955	М АОН
Геворкян Гамлет Абакумович	Роль абстракции в познании	канд.	1955	Ереван
Добордж гинидзе Веньямин	Роль абстракции в процессе познания	канд.	1955	Тбилиси

Илларионович				
Мельникова Ирина Михайловна	Роль научных абстракций в естествознании (о значении общих понятий в химии)	канд.	1955	М АОН
Гулуа Владимир Леванович	Некоторые вопросы классификации суждений в свете марксистской философии	канд.	1955	Тбилиси ТГУ
Копнин Павел Васильевич	Формы мышления и их роль в познаии	докт.	1955	М ИФ
Подколзин Василий Петрович	Марксистско-ленинское учение о понятии	канд.	1955	М МГЭИ
Серова Тамара Андреевна	Законы мышления как отражение законов объективной действительности	канд.	1955	М АОН
Попов Сергей Иванович	Критика кантианской концепции в логике	канд.	1955	М МГУ
Султангузин Тауфик Гизулхакович	И. М. Сеченов о природе понятий, суждений и умозаключений	канд.	1955	М МГУ

Гулуа Владимир Леванович	Некоторые вопросы классификации суждений в свете марксистской философии	канд.	1955	Тбилиси ТГУ
Хворов Василий Поликарпович	О соотношении субъектно-предикатной структуры суждений и грамматического строя двусоставных предложений	канд.	1955	Л ЛГУ
Мосейко Аида Николаевна	Способ выражения умозаключений в языке	канд.	1955	М МГУ каф. лог.
Тройнов Иван Васильевич	К вопросу о вероятности и достоверности выводного знания	канд.	1955	М МГУ
Бабаянц Мария Саркисовна	Закон исключенного третьего	канд.	1955	М МГУ каф. лог.
Серова Тамара Андреевна	Законы мышления как отражение законов объективной действительности	канд.	1955	М АОН
Адэишвили Шалва Герасимович	Проблемы расширенной теории силлогизма	канд.	1955	М ИФ

Абдылдаев Табылда	О формах перехода от старого качественного состояния к новому в процессе видообразования	канд.	1956	М МГУ каф. диал. и ист. мат.
Лем Генчер	О путях перехода от старого качества к новому качеству в общественном развитии	канд.	1956	М МГУ каф. диал. и ист. мат.
Зеркин Дмитрий Петрович	Марксизм-ленинизм об основных типах противоречий в развитии общества	канд.	1956	М МОПИ
Воробьев Михаил Федорович	Закон отрицания отрицания	канд.	1956	Л ЛГУ
Харин Юрий Андреевич	Закон отрицания отрицания в марксистской диалектике	канд.	1956	Л ЛГУ
Тавадзе Илья Кайсарович	К марксистско-ленинскому пониманию категорий	канд.	1956	Тбилиси ТГУ
Батымурзаев Магомед Мужутдинович	Диалектика содержания и формы и ее проявление в развитии	канд.	1956	Л ЛГУ

	социалистического способа производства			
Грушин Борис Андреевич	Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития	канд.	1956	М МГУ
Никитина Валентина Павловна	Учение Аристотеля о формах мышления	канд.	1956	Л ЛГУ
Федчишин С. В.	К. Д. Ушинский о формах мышления	канд.	1956	Львов
Амброладзе Лео Варламович	Проблема отрицательного суждения	канд.	1956	Тбилиси ТГУ
Ильин Виктор Васильевич	Условные и разделительные умозаключения и их роль в логическом процессе	канд.	1956	Л ЛГУ
Корюкина Майя Петровна	Материалистическое понимание законов мышления и специфика законов формальной логики	канд.	1956	М МГПИ
Кузюкова Энгельсина Григорьевна	Теория законов мышления в русской логике XIX в.	канд.	1956	М ИФ сектор логики

Дудель Савва Павлович	О противоречиях как источнике развития (закон единства и борьбы противоположностей)	докт.	1957	М ИФ
Шептулин Александр Петрович	Взаимосвязь единичного и общего в действительности и в познании	канд.	1957	М АОН
Режабек Евгений Ярославович	Роль дедуктивных умозаключений в познании объективной действительности	канд.	1957	М МГУ каф. лог.
Алексеев Митрофан Николаевич	Диалектика форм мышления	докт.	1957	М МГУ каф. диал. и ист. мат.
Галантаи Каталина	Закон тождества	канд.	1957	М МГУ
Типухин Вениамин Николаевич	Метод восхождения от абстрактного к конкретному в "Капитале" К. Маркса	канд.	1958	М АОН
Рахимжанов Тукен	О проблеме многокачественности явлений	канд.	1958	Л ЛГУ

Шадрин Эдуард Иванович	Об эволюции и скачках в развитии советского социалистического общества	канд.	1958	Ярославль
Мазя Андрей Антонович	Единство и борьба противоположностей как закон познания действительности	канд.	1958	М АОН
Сечеди Ласло	Некоторые вопросы развития и разрешения противоречий (перевод с венгерского)	канд.	1958	М АОН
Морозов Виталий Дмитриевич	Отрицание отрицания как выражение противоречивого характера развития	канд.	1958	М АОН
Хорев Николай Васильевич	Некоторые вопросы диалектики познания	канд.	1958	М
Типухин Вениамин Николаевич	Метод восхождения от абстрактного к конкретному в "Капитале" К. Маркса	канд.	1958	М АОН
Абдильдин Жабайхан	Гносеологическая роль конкретного понятия	канд.	1958	М МГУ каф. диал. и ист. мат.

Савельев Михаил Никитович	Место и роль доказательства в системе логики	канд.	1958	
Кешелава Варлам Варламович	Критика К. Марксом гегелевского метода спекулятивной конструкции	канд.	1959	М МГУ
Пунда Григорий Васильевич	К вопросу о соотношении внутренних и внешних противоречий в развитии	канд.	1959	М АОН
Багиров Закир Наримаоич	Закон отрицания отрицания	канд.	1959	М ИФ
Барулин Владимир Семенович	Развитие форм диалектического отрицания в истории человеческого общества	канд.	1959	М МОПИ
Шалютин Соломон Михайлович	Диалектическое отрицание в общественном развитии	канд.	1959	М АОН
Павлов Павел Христов	Проблема истины в математике	канд.	1959	М АОН

Дюкова Металлина Георгиевна	Проблема соотношения логического и исторического в "Науке логики" Гегеля и ее значение для определения структуры системы категорий диалектической логики	канд.	1959	Л ЛГУ
Хван Максим Петрович	Роль абстракции в познании	канд.	1959	М МГУ каф. диал. и ист. мат.
Мдивани Лонда Владимировна	К марксистской критике неокантианских основ логики отношений	канд.	1959	
Курсанов Георгий Алексеевич	Роль практики в развитии научных понятий и их значение в познании мира и в практической деятельности людей	докт.	1945-1950	М ИФ
Тугаринов Василий Петрович	Диалектический материализм о законе и закономерности	канд.	1948-1951	М МГУ

Каландаришвили Григорий Матвеевич	Диалектическая логика об отражении в мышлении объективных противоречий (к вопросу об отражении объективной диалектики в "логике понятий")	докт.	1958-1960	М МГУ

Список литературы.

1. Ballestrem K. G. Dialectical Logic // Studies in Soviet Thought. 1965. Vol. 5. № 3. P. 139-172.
2. Bochenski J. M. Soviet Logic // Studies in Soviet Thought. Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1961. P. 29-38.
3. Hänggi J. Die Entwicklung der Diskussion um Die Formale Logik in Der Sowjetunion // Studies in Soviet Thought. 1967. Vol. 7. № 2. P. 142-153.
4. Автоматизация и некоторые вопросы общественного развития // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 3-16.
5. Александр Александрович Зиновьев / Под. ред. А. А. Гусейнова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 376 с.
6. Александров А. О логике // Вопросы философии. 1951. № 3. С. 151-163.
7. Алексеев М. Обсуждение вопросов логики в Московском государственном университете // Вопросы философии. 1951. № 2. С. 184-192.
8. Алексеев М. Суждение и предложение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1950. 14 с.
9. Алексеев М., Черкесов В. К вопросу о логике и её изучении // Большевик. 1952. № 11. С. 23-35.
10. Алпатов В. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
11. Асмус В. Отзыв на работу М. С. Строговича «Логика» // Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 2. Д. 199. Л. 1-16.
12. Бажанов В. История логики в России и СССР (Концептуальный контекст университетской философии). М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. 336 с.
13. Бакрадзе К. К вопросу о соотношении логики и диалектики // Вопросы философии. 1950. № 2. С. 198-209.

14. Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.

15. Бикбов А. Революционный марксизм как государственная наука, 1920-1980-е гг. (доклад) // Конференция «Философия русской революции: взгляд в прошлое сто лет спустя» (“Philosophie der Russischen Revolution: Ein Rückblick nach hundert Jahren”), Рурский университет в Бохуме, 27-30 сентября 2017 г.

16. Бирюков Б. Трудные времена философии. Софья Александровна Яновская: Время. Люди. События. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 312 с.

17. Бирюков Б. Трудные времена философии: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. 248 с.

18. Бирюков Б. Трудные времена философии. Отечественная логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 1: Борьба вокруг логики: диалектической, формальной, математической. Челпанов, Асмус, Фохт, Поварнин, Попов, Ахманов, Лосев. Марксистско-ленинская мифология истории. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 272 с.

19. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6. С. 1-24.

20. Богуславский В., Таванец П. О преподавании логики в средней школе // Вопросы философии. 1955. № 1. С. 220-222.

21. Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. 272 с.

22. Великое ленинское философское наследство // Вопросы философии. 1955. № 2. С. 3-15.

23. Вышинский П. Против формализма в преподавании логики // Вопросы философии. 1948. № 1.

24. Гагарин А. На философском факультете Московского государственного университета // Вопросы философии. 1951. № 3. С. 214-218.

25. Гусейнова В. Особенности институциализации советской этики в период с 1960-1970 гг. / Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2016. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. ISBN 978-5-317-05237-9. 2 с.

26. Диалектический и исторический материализм / Под. ред. М. Митина. Часть 1. Диалектический материализм. М.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1934. 355 с.

27. Дридзе Т. Язык // Философская энциклопедия. Т. 5. М: Издательство «Советская энциклопедия», 1970. С. 604-611.

28. За ленинский принцип партийности в идеологической работе // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 3-10.

29. Зиновьев А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002. 321 с.

30. Ильенков Э. В. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950-1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.

31. Ильенков Э. К вопросу о противоречии в мышлении // Вопросы философии. 1957. № 4. С. 51-62.

32. Ильенков Э. О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании // Вопросы философии. 1955. № 1. С. 42-56.

33. Ильенков Э. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 464 с.

34. Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального / Сост. А. П. Поляков. М.: Мир философии, Дмитрий Сечин, 2015. 336 с.

35. Интервью А. Бикбова, В. Гусейновой и автора с В. Межуевым, март 2016 г.

36. Интервью автора с Б. Юдиным, 6 октября 2016 г.

37. Интервью автора с В. Мироновым, март 2016 г.

38. Интервью автора с С. Мареевым, 28 ноября 2017 г.

39. Интервью автора с С. Мареевым, 11 декабря 2017 г.

40. К итогам обсуждения вопросов логики // Вопросы философии. 1951. № 6. С. 143-149.

41. Канцельсон С. «Новое учение о языке» // Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1967. С. 86-87.

42. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Пер. Н. В. Воробьева / Общ. ред. проф. Д. А. Бочвара / Предисл. проф. С. А. Яновской. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 384 с.

43. Кедров Б. Об отношении логики к марксизму // Вопросы философии. 1951. № 4. С. 212-227.

44. Кольман Э., Яновская С. Гегель и математика // Под знаменем марксизма. 1931. № 10-11. С. 107-120.

45. Корсаков С. Деканы философского факультета МГУ: биобиблиографические очерки // Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова: страницы истории / Под ред. А. П. Козырева. М.: Издательство Московского университета, 2011. 496 с.

46. Корсаков С. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть I // Логические исследования. 2015. Т. 21. № 2. С. 145-169.

47. Корсаков С. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть II // Логические исследования. 2016. Т. 22. № 1. С. 145-170.

48. Корсаков С. Начальный этап «дела» З. Я. Белецкого (архивная публикация) // Философский журнал. 2016. № 1. С. 164-179.
49. Косичев А. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 350 с.
50. Лахути Д. Сталин и логика // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 164-169.
51. Левин В. Софья Александровна Яновская – жизнь и судьба // Современное образование. 2012. № 2. С. 72-125.
52. Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 29. М.: Издательство политической литературы, 1969. 782 с.
53. Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: «Издательство политической литературы», 1967. 606 с.
54. Логика и В. Е. К. Сб. науч. тр.: К девяностолетию со дня рождения Войшвилло Евгения Казимировича. М.: Современные тетради, 2003. 256 с.
55. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 827 с.
56. Марксистско-ленинская философия. Методические материалы для аспирантов и соискателей нефилософский специальностей. Отв. ред. М. А. Паранюк. Киев, 1979.
57. Мегрелидзе К. Н. Я. Марр и философия марксизма // Под знаменем марксизма. 1935. № 3. С. 35-52.
58. Милонов К. К вопросу о соотношении логики формальной и диалектической // Под знаменем марксизма. 1936. № 4-5. С. 49-68.
59. Митрофанов А. Краткий обзор неопубликованных статей по логике // Вопросы философии. 1951. № 5. С. 153-163.
60. Мосолов В. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. М.: Новый хронограф, 2010. 600 с.

61. На борьбу за материалистическую диалектику в математике. Сборник статей по методологии, истории и методике математических наук. М., Л.: Государственное научно-техническое издательство, 1931.
62. Осьмаков И. О логике мышления и науке логики // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 317-330.
63. От редакции // Вопросы философии. 1950. № 2. С. 198.
64. Поваров Г. К познанию научно-технического прогресса // Системные исследования. М.: Наука, 1972.
65. Попов П. Предмет формальной логики и диалектика // Вопросы философии. 1951. № 1. С. 213-218.
66. Практика и познание. М.: Издательство «Наука», 1973. 360 с.
67. Приказы по основной деятельности университета, ректора, проректора по учебно-научной работе естественных факультетов, проректора по административно-финансовой работе с № 511 по № 609 за 1966 г. // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 91. 234 л.
68. Применение логики в науке и технике. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 560 с.
69. Проблемы диалектической логики. М.: Издательство Московского университета, 1959.
70. Против Лузина и лузиновщины (собрание математиков МГУ) // Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 123-125.
71. Протоколы и стенограммы заседаний учёного совета философского факультета МГУ за 1950 год // Архив МГУ Ф. 13. Оп. 2. Д. 15. 342 л.
72. Рожин В. Несколько замечаний по спорным вопросам логики // Вопросы философии. 1951. № 4. С. 238-241.
73. Розенталь М. Марксистская теория познания // Под знаменем марксизма. 1938. № 12. С. 34-57.
74. Розенталь М. О значении «Философских тетрадей» В. И. Ленина // Вопросы философии С. 14-27.

75. Соколов Е. Философия передовиц. Мераб Мамардашвили как советский философ // Логос. 2017. № 6. С. 1-22.

76. Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1953. 57 с.

77. Стенограмма дискуссии «О разногласиях по вопросам логики» за 1954 год // Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 45. 301 л.

78. Строгович М. Логика. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 362 с.

79. Строгович М. О предмете формальной логики // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 309-317.

80. Тугаринов В., Майстров Л. Против идеализма в математической логике // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 331-339.

81. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. 67 с.

82. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

83. Черкесов В. О логике и марксистской диалектике // Вопросы философии. 1950. № 2. С. 209-220.

84. Эвальд Васильевич Ильенков. Под. ред. В. И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 431 с.

85. Яновская С. Категория количества у Гегеля и сущность математики // Под знаменем марксизма. 1928. № 3. С. 30-71.

86. Яновская С. Очередные задачи математиков-марксистов // Под знаменем марксизма. 1930. № 5. С. 88-94.

87. Яновская С. Письмо в редакцию // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 339-342.